

Семён Данилюк Бизнес-класс

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152298
Данилюк С. Бизнес-класс: Вагриус; Москва; 2003
ISBN 5-264-00893-0*

Аннотация

Топ-менеджер московского банка, мастер финансовой комбинации Сергей Коломнин оказывается в эпицентре схватки между московским нефтяным лобби и сибирским промышленным магнатом. Ради достижения цели Коломнин рискует жизнью, теряет друзей, становится жертвой предательства собственного сына, отдаляется от любимой женщины, сам готов на преступление. Но в какой-то момент осознает, что в погоне за результатом оказался на грани нравственного краха...

Содержание

Пляжный романчик	4
Возвращение на круги своя	26
Лицезрение патриарха	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Семен Данилюк

Бизнес-класс

Пляжный романчик

Тайский пляж – это нечто, решительно отличающееся от всех прочих пляжей мира. Прочие могут быть – и бывают – куда комфортабельней. Особенно если запустить на тридцатиградусную жару официантов в смокингах, как это практикуется в пятизвездочной сети «Шератон». Можно подтянуть прямо к морю извивающиеся по территории отеля бассейны, как сделано на Бали. И все-таки это будут совсем другие пляжи.

Потому что только здесь ступивший на океанский берег не передвигается в поисках прохлады за ускользающей тенью. Тень сама ищет клиента.

Длинная песчаная коса порезана на невидимые лоскуты, поделенные между отдельными обслуживающими бригадами. Конкуренция жесточайшая. Даже ночью члены бригад остаются ночевать на тонкоструйном песке, охраняя от соседей по бизнесу самое ценное свое достояние – сложенные в стопку зонты и металлические стержни. И едва по утру потянутся из отелей первые туристы, оживают и «пляжные» тайцы. Они мечутся по асфальту, заманивая отдыхающих на свой лоскуток. Заманив, терпеливо семят позади, пока клиент не подберет себе местечко поудобней, что в сущности есть не что иное как выпендрей. Поскольку все эти «местечки» абсолютно одинаковы и отличаются единственно удаленностью от моря. Когда же отдыхающий соизволит наконец опуститься в шезлонг, перед ним тут же устанавливается дощатый столик, а в песок втыкается острие, к которому приторачивается широкий пестрый зонт. С этого мгновения вы можете забыть об угрозе обгореть. Потому что в течение дня обслуга, бдительно поглядывая на солнце, непрестанно переставляет зонты так, чтобы спрятать доверившегося им «мистера» от палящих лучей.

По мере заполнения отдыхающими пляж все больше начинает напоминать восточный базар. Вдоль тенистых рядов бродят с корзинами наперевес нескончаемые продавцы экзотических сувениров, тканей, разносчики газет. На свободных «пятачках» раскладывают клиентов коренастые массажистки. Гортанные выкрики, примешиваясь к шуму прибоя, создают непрерывный убаюкивающий гул.

– Просто тащусь от Тайланда. Где еще можно прочувствовать себя властелином вселенной? – вице-президент московского банка «Орбита»¹ крутоголовый Николай Ознобихин, потянувшись красным, будто разваренным телом, лениво скосился на ноги, подле которых примостилась тайка-педикюрша, хмуро ткнул пальцем в плохо покрашенный мизинец. Брезгливо принялся. – Вот напасть! Опять немчуре обед из ресторана потащили. И как им не заподло шницеля на тридцатиградусной жаре!

Дремавший рядом Сергей Коломнин тоже учуял запах горячего мяса и чуть приподнял курчавую голову. Точно! Двумя рядами ниже расположилась небольшая немецкая колония.

Немцев на отдыхе в таком изобилии он встречал в двух местах: в турецкой Анталии и здесь, в Поттае. Но это, доложу вам, были разные немцы.

В Анталии, в сонных отелях «Кемер-виста», в сопровождении своих раскормленных, бройлерных жен, они вели неспешный, растительный образ жизни, лениво возбуждаясь по вечерам после двух-трех бокалов холодного пива.

¹ Здесь и далее возможное совпадение с названиями реально существующих коммерческих организаций носит случайный характер

В Тайланд немцы приезжали без жен. И – другими людьми. В первый же вечер брали напрокат две вещи: мотоцикл и тайку. Так что обычное зрелище на улицах Поттайи – несущийся вдоль магазинов бородач, придавивший тучным телом крохотную мотоциклетку, и прильнувшая к нему сзади масенькая таечка (иногда – по вкусу – тайчонок, – отрываться так отрываться!).

Тайцев называют проституирующей нацией. Но тогда с одной поправкой. Проститутки других стран смотрят на клиента как на ходячий кошелек, отпираемый с помощью гениталий. В отличие от них, женщина Тайланда, будучи взята напрокат, столь искренне привязывается к «короткому» своему господину, что заботится о нем с преданностью, давно забытой эмансипированными женами-европейками.

Вот, пожалуйста: в нижних рядах поднялся шум – тайка, вскрывающая судки, гортанно воевала с ресторанной прислугой. Возможно, и впрямь недовольная качеством принесенной пищи, а скорее – демонстрируя повелителю готовность защищать его интересы.

Сам же «повелитель», рыхлые бока которого выдавливались из шезлонга, наблюдал за происходящим со снисходительностью, из-под которой проступала нежность к маленькой заступнице.

– Красиво оттягиваются империалисты, – позавидовал Ознобихин. – Я в прошлом году, когда один прилетал, тоже пару таечек выписал. Как же обволакивают! А тут разве расслабишься? Вмиг жене стуканут.

Он с тоской скосился на соседние шезлонги, в которых разметилось несколько разморенных женщин, вяло торговавшихся с продавцом цветными платками, – Коломнин и Ознобихин отдыхали на Тайланде в составе банковской группы. И это причиняло любвеобильному вице-президенту видимые неудобства.

Занятый своими мыслями Коломнин лишь слабо улыбнулся.

Вот уж третьи сутки находились они в Поттайе. А начальник управления экономической безопасности банка «Орбита» сорокадвухлетний Сергей Коломнин, в прошлой, добанковской жизни полковник милиции, никак не мог стряхнуть с себя воспоминания о последних служебных неурядицах в связи с кредитом, выданным крупнейшему заемщику ГНК – Генеральной нефтяной компании города Москвы. Не нравилась ему вся эта возня вокруг VIP-клиента. Не нравилась и всё тут!

ГНК эта была феноменом чисто российским, возникшим в одночасье как бы из ниоткуда. Еще три года назад ее попросту не существовало. Зато по Москве бушевала жестокая бензиновая война. Со всеми атрибутами военных действий, вплоть до отстрелов конкурентов. Естественное желание мэра Москвы подмять под себя мощнейший финансовый ресурс казалось невыполнимым, пока его не познакомили с бывшим заместителем министра топлива и энергетики Леонардом Гиляловым, одним из влиятельнейших в нефтяном мире людей. Гилялов и предложил создать так называемую вертикально интегрированную компанию, способную стать монополистом на московском топливном рынке. В качестве взноса в уставный капитал правительство Москвы внесло контрольный пакет акций Московского нефтеперерабатывающего завода. Остальное предстояло решить группе менеджеров во главе с Гиляловым. Впрочем это «остальное» и было самым сложным: добиться подчинения от привыкших к бесконтрольности руководителей завода, замкнуть на себя оптовую продажу бензина, вытеснив мелких перекупщиков, а в перспективе – овладеть и розничной торговлей, то есть бензозаправками.

Гилялов оказался человеком слова: планы эти начали понемногу реализовываться. Причем, вопреки ожиданиям, – без громких криминальных разборок. Если не считать таковыми несколько таинственных, пришедшихся очень кстати смертей. Как-то незаметно удалось «развести» строптивое заводское начальство и очистить сбыт от присосавшихся «дил-

леров». Теперь, спустя три года после создания, ГНК прочно встала на ноги, замкнув на себя все денежные потоки. Удалось договориться и о систематических поставках нефти на завод. Но здесь образовался замкнутый круг: устаревшее, к тому же обветшавшее заводское оборудование не справлялось с увеличением объемов, а без увеличения объемов монополизировать рынок было невозможно. При этом даже самая незначительная реконструкция требовала – по скромным прикидкам – порядка пятидесяти миллионов долларов. Деньги на это мэр Москвы, хоть и покровительствовал своему детищу, выдать категорически отказался, предложив взять кредит в коммерческом банке.

Когда вымирают динозавры, гигантами назначают мамонтов. После краха в девяносто восьмом году банковских монстров крупнейшим из числа оставшихся неожиданно оказался банк «Орбита». К нему и обратилась ГНК с просьбой о заеме. Тогда-то Коломнин, отвечающий в банке за возврат кредитов, впервые близко познакомился с компанией. И прежде всего – с первым ее вице-президентом Вячеславом Вячеславовичем Четвериком. Именно этот человек, спрятанный за сутулой спиной бывшего замминистра, прокладывал стратегический курс, позволивший ГНК стать крупным нефтяным игроком не только на московском, но и на российском небосклоне.

В общении Четверик оказался человеком чрезвычайно обаятельным. Округлое, подвижное лицо Слав Славыча излучало неизменную ровную доброжелательность и удивительную открытость. При первом же знакомстве он как-то естественно перешел на ты и темпераментно, увлекаясь, принялся посвящать Коломнина в планы компании, то и дело подбегая к бесчисленным графикам и схемам, развешанным по стенам. Планов оказалось громадье, и выглядели бы они чистой утопией, если бы не бешеная вера самого Слав Славыча. Причем Четверик не просто повествовал, а втягивал собеседника в обсуждение, добиваясь от него возражений, на которые тут же искал контраргументы. Каждого нового знакомого он использовал как полигон для подгонки собственных идей. И одновременно стремился обратить в своего единомышленника. Во всяком случае на кредитном комитете Коломнин поддержал вице-президента Ознобихина, ратававшего за выдачу пятидесяти миллионов долларов. Но поставил жесткие условия: деньги выдавать не сразу, а по частям – траншами. И только после того, как ГНК переведет в банк все счета и представит поручительство нефтеперерабатывающего завода, – единственно надежное обеспечение, покрывавшее банковские риски.

Присутствовавший на комитете Четверик условия эти принял безоговорочно.

Но с тех пор прошли дни, недели, месяцы. Банк выдавал миллион за миллионом, а предоставление поручительства завода под всякими предлогами оттягивалось. Похоже, добившись своего, хитрец Четверик решил придержать поручительство под дополнительные кредиты из других банков. А значит, по мнению Коломнина, оказался элементарным кидалой. О чем взъярившийся шеф банковской безопасности и собрался ему сообщить – глаза в глаза. Но не сообщил. Потому что застать Четверика на месте отныне стало невозможным. Попытался Коломнин воздействовать на руководителей ГНК через главного их лоббиста – Ознобихина. Тот только отмахнулся: отдадут, куда не денутся.

Вообще интересное сложилось распределение ролей между вице-президентом банка по работе с корпоративными клиентами Ознобихиным и начальником управления экономической безопасности Коломниным. Первый привлекал на обслуживание клиентуру, отчаянно лоббируя выдачу им рискованных кредитов, а второй, постоянно этому противившийся, становился крайним при возникновении проблем с возвратом. – Имей в виду, Коля, – пробурчал Коломнин. – Если к нашему возвращению твой дружок Четверик не представит наконец поручительство, насмерть встану, но больше ни одного доллара не получат.

– Господи! Спаси меня и помилуй от такого товарища! – простонал Ознобихин. – Кто о чем! Опомнись, Серега! Ты за десять тысяч километров от Москвы. И чем у тебя башка забита? О бабах надо думать, дорогой. О бабах!

– И все равно! Понадобится, к президенту пойду, – понимая, что разговор и в самом деле затеян нехоти, но не умея прерваться на полуслове, добил Коломнин. Он приподнялся, выискивая продавцов пива и креветок, – пора было обедать.

– Ну, и получишь еще раз по сусалам! – теперь уже «завелся» Ознобихин. – Пойми своей упрямой бычьей башкой – нельзя к VIP-клиенту подходить с обычными мерками. Тут стратегический полет! Перспективу «прорюхать» важно. На одних оборотах сколько заработаем!

– Да ни шиша! Обороты на наших счетах до сих пор нулевые.

– Так будут! Не всё сразу, – не смутился Ознобихин. – Главное, повторяю, перспектива. Они уже сегодня половину московского нефтяного рынка окучивают, а скоро весь покроют. И потом не забывай, чья компания. За ними Лужков. Там инвестиционная программа на пятьсот миллионов корячится! Заметил, как поморщился Коломнин.

– Да, да. Я сам подпись мэра видел. Стратегическая дружба с Москвой, она, знаешь, больших денег стоит. Ну, откажем мы им сейчас в очередном транше. И что дальше? Пойдут и перекредитуются в другом банке. А где мы останемся? И обороты, и инвестиции, – всё разом потеряем.

Коломнин почувствовал шевеление поблизости: пристроившийся на соседнем шезлонге молоденький юрист филиала «На Маросейке» Павел Маковей давно уже посапывал носом, ища случая вмешаться. Наконец, решился.

– А я с Сергеем Викторовичем согласен. Нельзя позволять клиенту, каким бы он раскрутым ни был, себя шантажировать. Пообещал поручительство – будь добр, отдай, – от осознания собственной дерзости на щеках его сквозь пленку загара проступили розовые кружки.

– Ты ещё откуда взялся! – возмутился Ознобихин. – Каждый шкет будет в разговоры старших вмешиваться. Вот дам щелбана!

И на полном серьезе потянулся кулаком, так что длиннющий и угловатый, будто складной школьный метр, Маковей едва успел сигануть в сторону.

Коломнин едва сдержал улыбку. К двадцатипятилетнему Маковею он относился с особой симпатией. В отличие от прочих банковских юристов Павел активно трудился по возврату кредитов и даже наработал собственную технологию взыскания задолженности с помощью судебных приставов. И по возвращении из Тайланда Коломнин планировал забрать смышленного парнишку в свое подразделение. Спасшийся от Ознобихинской лапы Маковей обхватил своей худой и цепкой, словно садовая тяпка, ладонью валявшийся на песке волейбольный мяч и потянул к воде двадцатидвухлетнюю кредитницу из филиала «Марьинский» Катеньку Целик, за которой на глазах у группы настойчиво ухаживал. Впрочем, безуспешно: занозистая Катенька до неприличия откровенно изгалялась над неказистым ухажером и оставалось поражаться долготерпению трогательно влюбленного Маковея.

– Ништяк! – Ознобихин повел плотоядным глазом по пышной Катенькиной фигуре. Примирительно подтолкнул локтем приятеля. – Вечерком отвезу тебя на эротический массаж. Может, хоть там о кредитах забудешь! А пока предлагаю рвануть на водных мотоциклах!

– Это дело! – Коломнин решительно выбросился из шезлонга и тут же заметил на себе несколько брошенных искоса женских взглядов.

Коломнин относился к тому редкому типу мужчин, что с возрастом обретают особую притягательность, будто покрытая патиной бронза. В свои сорок два года был по-прежнему подтянут, жесткие курчавые волосы намертво вцепились в голову и не уступили залысинам ни сантиметра. В мягко ироничном, с упрямо сведенными губами лице его женщинам виде-

лась некая невысказанная печаль – знак способности глубоко переживать. И хотя служебных романов за ним замечено не было, снисходительная молва и это относилась ему в плюс: мужчина, умеющий скрывать отношения, – мечта любой женщины. В то, что этих романов попросту не существовало, никто не верил. Главной уликой здесь виделась расщелина меж пенящимися передними зубами, – несомненный признак повышенной сексуальности.

«Вот тут-то они и лопаются», – тоскливо позлорадствовал Коломнин. Отношения с супругой за последние годы зашли в такой безнадежный тупик, что даже воспоминание о ней перетряхивало Коломнина, будто при звуке ножа, скребущего по сковородке. В этом году исполнилось двадцать лет их браку. Лишь два-три из них можно было бы назвать счастливыми. Да и то скорее такими они кажутся на фоне последнего, совсем уж паскудного десятилетия. Друзей и сослуживцев домой он давно не приглашал. Последним Коломнина во время болезни навестил его заместитель Лавренцов. И как раз попал под нервическое состояние супруги. «За что ж вы так друг друга-то изводите? – поразился он. – Гляди, инфаркт, он промеж вас бродит». А в самом деле, за что? Свою вину перед женой Коломнин осознавал доподлинно. Вина его была серьезна и неизгладима: не любил он ее. И понял это еще до брака. Но тут узналось о беременности. Взыграло чувство долга. Решил, что притерпится. Не притерпелось. Потому что и гордая Галина, поднеся себя вихрастому оперу ОБХСС как подарок судьбы, быстро почувствовала, что женились на ней из жалости. И, уязвленная, не простила. В ней словно жили две женщины. Первая – мечтательная, порывистая. Вторая – вспыльчивая, беспричинно раздражительная. К сожалению, с возрастом первой становилось все меньше, второй все больше. И это стало необратимым. Одно случайное слово, неловкий жест, упавшая с вешалки шляпа, – все становилось искрой, воспламенявшей Галину Геннадьевну лютой, необъяснимой со стороны неприязнью к супругу. Да и сам он не мог, как прежде, сдерживаться и часами отмалчиваться среди потока упреков. Вот так и просуществовали они эти двадцать лет, отнимая их друг у друга. Зачем? Тоже хороший вопрос. Дети выросли. Сыну-студенту двадцать первый. Да и дочь, перейдя в восьмой класс, все чаще поглядывает на родителей с эдаким насмешливым недоумением. В последние пару лет они с женой, кажется, и вовсе перестали спать в одной постели. Возможно, за эти годы у нее были любовники. Хотя бы чтоб отомстить. Такой уж характер! А вот за мужа она не тревожилась. Легко отпускала в бесконечные поездки. И даже, как теперь, – в отпуск. Потому что изучила его лучше, чем сам он себя. И знала это его основное качество, ставшее проклятием, – постоянство. Не получались у него, как у других, легкие, дабы потешить плоть, скользящие связи. Сидело что-то внутри и – не пушало. Как любит пошутить Лавренцов, мужской член – это тот же самый кран. Если не работает, то ржавеет или хиреет. Должно быть, безнадежно захирел.

– Да брось переживать, Серега, прорвемся! – Ознобихин с размаху шлепнул его по плечу, и Коломнин, встряхнувшись, обнаружил себя застывшим у воды. Причину остолбенелости его Николай понял по-своему, решив, что тот продолжает переживать последнюю стычку. – Я тебе мудрое слово скажу, а ты послушай. То, что ты за банк болеешь, про то все знают. Но при этом нужно сохранять как бы чуть-чуть люфт. Понимаешь?

– Нет.

– Вот в этом твоя проблема. Потому что банк и бизнес вообще – это все-таки не совсем жизнь. Это чуть-чуть игра. Вроде как в футбол гоняем: пыхтим, толкаемся, чтоб победить. Ноги друг другу в азарте отрываем. А потом дзинь – матч закончился. Обнялись и пошли вместе пивка попить. Без обид. А ты сам сердце рвешь и других мордуешь. Можно ведь нормалек существовать: поляны для всех хватят. А можно и – лоб в лоб, – Ознобихин жестом приказал одному из тайцев подогнать к нему мотоцикл. – Ну, что, сгоняем на пари?

– Запросто, – Коломнин в свою очередь оседлал соседний транспорт.

– И я! И я! – слышалось сзади.

Прыгая меж шезлонгов, к ним поспешала Катенька Целик.

– Возьмите меня! – закричала она в нетерпении.

– Катюш, так мы вроде в мяч собирались! – оттопыренная нижняя губа Маковея задрожала от очередной обиды.

– Отвянь с глупостями! – отрубил Катеньку.

– Ладно, запрыгивай, коза, – Ознобихин предвкушающе подвинулся.

– Нет! Я с Сергей Викторовичем, – не дожидаясь согласия, Катенька обхватила Коломнина за талию, прижалась, – что там тайка?

– Тогда держись, – Коломнин первым крутнул ручку, так что мотоцикл едва не встал на дыбы и – рванул с места на глубину. Паралельным курсом разогнался Ознобихин.

Оторвавшись от берега, Коломнин резким движением на полной скорости рванул руль влево. Взвизгнула изготавившаяся свалиться в воду Катенька. Но мотоцикл вместо того, чтоб перевернуться, развернулся на девяносто градусов и послушно застыл на месте.

– Пошли! – закричал Коломнин и с новой силой крутнул ручку, разгоняя мотоцикл вдоль побережья.

– Боюсь! Сереженька, боюсь! – как бы в упоении вырвалось у Катеньки.

В упоение это он не поверил. Целик, мечтавшая вырваться из филиала, уже дважды просила Коломнина взять ее к себе. Но получала отказ. Похоже, бойкая Катенька решилась заслужить перевод иным способом. Во всяком случае включения в тургруппу она добилась, узнав, что едет начальник УЭБ.

Облепленный брызгами, Коломнин неся по водной глади, зажмурившись от нарастающего наслаждения. Упоение скоростью выметало из него колющие воспоминания о московских неурядицах.

Вскрик сзади, на сей раз неподдельный, заставил открыть глаза. Из-за его спины рука Кати показывала вперед. Навстречу, метрах в двухстах, неся Ознобихин. Поначалу Коломнин собрался, как и положено, отвернуть. Но в улыбочке Ознобихина почудилось ему нечто особое, как бы продолжающее последнюю фразу. Был в ней вызов – «лоб в лоб». И не принять его Коломнин не мог. А потому, крепче вцепившись в руль, он выравнивал курс и еще прибавил газу. В свою очередь и Ознобихин, дотоле игравшийся, сузил глаза и поерзал на сидении, устраиваясь понадежней.

Машины понеслись друг на друга с удвоенной скоростью.

Сто. Пятьдесят! Сорок метров!!

– Пора! – Катенька неуверенно потрепала Коломнина по спине. – Пора же! Это вы что, так шутите?!.. Господи! Да вы же психи... Не-ет!

Привстав, Катенька дотянулась до руля и с силой дернула его влево, так что мотоцикл развернуло боком. Налетевший в следующую секунду Ознобихин опрокинул его носом, а сам, хоть и с трудом, выравнивал собственную машину. Победно вскинув кулак, сделал круг почета вблизи поверженных, барахтающихся противников и, полный торжества, устремился к берегу.

Коломнин вскарабкался вновь на мотоцикл, мрачно втянул Катеньку.

– Ну, вы оба... – сквозь зубы приготовилась она высказать наболевшее. Но что-то остановило ее. И после паузы совсем другим, обволакивающим голосом закончила. – Мальчишки! Какие же вы еще мальчишки.

Желание кататься пропало, и, раздосадованный поражением, Коломнин направился к берегу. Там, вокруг машины Ознобихина, столпилось с десятков тайцев.

– Ты представляешь, какие гниды, – обрадовался его появлению Ознобихин. – Требуют с меня пятьсот долларов. Полонку, видишь ли, обнаружили. Так для того и техника, чтоб ломаться.

В самом деле на носу его мотоцикла была заметна небольшая вмятина, в которую и тыкали энергично пальцами возбужденные тайцы. Они подбежали и к мотоциклу Коломнина, но, как ни странно, на нем ничего не обнаружили.

– Чего делать-то будем? Может, пополам заплатим? Все-таки оба начудили.

Коломнин присел подле вмятины, провел по ней пальцем. – Ты как будто английским свободно владеешь. Так вот переведи этим крахоборам, что из уважения к их стране мы готовы заплатить огромные деньги – один доллар. Даже два. В фонд развития Тайланда. Пусть на них флот построят... Чего смотришь? Переводи.

Едва обалдевший Ознобихин закончил английскую фразу, над пляжем взметнулся вопль негодования и даже – невиданное дело – тайцы принялись хватать Коломнина за руки.

– А ну брысь! – потребовал тот. – А то вообще не получите. Вмятине этой не меньше чем две недели. Переведи!

Раздвинул два пальца, дважды потрянул и веско произнес:

– Короче, базар закрываю. Либо «ту», либо – я их пошлю к... – скопился на внимающую Катеньку. – Этого можешь не переводить.

Не теряя слов попусту, он шагнул в сторону шезлонга. Но тут же был окружен заново. Среди непонятных фраз, что выкрикивали тайцы, он разобрал на этот раз словечко «полиция».

– Грозят полицию вызвать, – пролепетал подбежавший Маковей.

– А давай! – внезапно обрадовался Коломнин. – Чего в самом деле воду толочь. Вызывай! Я сам ай эм рашен полисмен! Давай вызывай! Вон туда, к моему шезлонгу. А вас всех в камеру за мошенничество пересаживаем. Хочу полицию!

Решительно раздвинув обескураженных тайцев, он отправился прочь.

Перехватил его метров через пять Ознобихин.

– Ты чего, опешил? Нам только в полицию залететь не хватало. Лучше отдать деньги.

– Так я всегда. По доллару с брата. Да не журишь, Коля! Ты думаешь, им нужен скандал? Это они так бизнес делают. Через десяток минут на попытный пойдут.

В самом деле толпа вокруг задержавшегося Маковея заметно поредела. А оставшиеся хоть и жестикулировали энергично, но без прежней уверенности, то и дело оглядываясь на странного русского.

Через короткое время вернувшийся Пашенька с торжеством сообщил, что «уронил» тайцев до пятидесяти долларов, так что инцидент можно считать исчерпанным.

– Молодец! Смышленный мальчик, – облегченно одобрил Ознобихин, залезая в карман шорт.

– Сэр! С вас двадцать пять, – бросил он дремлющему Коломнину.

– Я же сказал: два за всё. А то и этого не дам, – не раскрывая глаз, отчеканил тот.

– Теперь я за банковскую безопасность окончательно спокоен, – Ознобихин передал Маковею собственный полтинник. – Вот так и на кредитном комитете с тобой спорить – себе дороже.

Тем же вечером Ознобихин повез товарища на сеанс тайского эротического массажа, о котором еще в самолете вспоминал с придыханием.

В жужжащем бесчисленными вентиляторами вестибюльчике навстречу вошедшим поспешил одетый в белую рубаху таец. Лицо его при виде гостей наполнилось таким благоговением, что Коломнин на всякий случай оглянулся, не спутал ли. Но нет! С бесконечными поклонами и ужимками посетители были препровождены в плетеные кресла, расположенные почему-то перед плотным занавесом. На столике, на расстоянии протянутой руки, стояли приготовленные напитки в причудливых, в форме змеи кувшинах. Убедившись, что гостям удобно, менеджер сально заулыбался и нажал на пульт – занавес двинулся в сторону, открыв звуконепроницаемое стекло, за которым внезапно обнаружились рассеявшиеся по

скамеечкам полуобнаженные «массажистки» – человек двадцать. Движение занавеса поймало их в минуту расслабленности. Группка в углу лениво переругивалась; одна из сидящих, откровенно позевывая, чесала себе ступни. Но уже в следующую секунду, прежде чем стекло полностью открылось, все они приняли соблазнительные позы и зазывно замахали ручками.

– Как тебе это пиршество? – впившийся в экран Ознобихин подтолкнул локтем смущенного приятеля. – Так бы всех сразу... Эй, абориген! Мне во-он ту бойкую канареечку!

Менеджер сделал знак. Выбранная девушка, поклонившись в знак благодарности, ушла в глубину. Поднялся и Ознобихин.

– Через час встретимся. Если очень утешит, можешь дать лично девочке десять долларов. Но только, чтоб постаралась.

Поощрительно хохотнув, он удалился. Менеджер продолжал терпеливо ждать выбора второго гостя. Коломнину сделалось отчего-то неуютно. Будто не он выбирал барышню для развлечений, а его оценивали расположившиеся за стеклом двадцать пар девичьих глаз.

Понимая, что пауза неприлично затягивается, он ткнул в сторону девушки в запахнутом халатике, единственной, не искавшей внимания клиента.

Выбор был сделан. К креслу тотчас подошла одетая в кимоно служительница и с поклоном предложила следовать за ней. Нельзя сказать, что комнатка, куда препроводили клиента, была чрезмерно меблирована. Скорее мебели не было вовсе, если не считать за таковую вешалку, массажный, укрытый простынкой стол и ванную с душем. Все это отчего-то напомнило Коломнину кабинет райполиклиники, где два года назад ему делали колоскопию. Вошедшую следом избранницу сопровождала еще одна тайка, выжидательно остановившаяся перед гостем.

– Мистер! Спик инглиш?

– Да нет. Русский я, – растерялся Коломнин. Обидевшись на собственное смущение, выпалил. – По-русски! По-русски тренироваться пора.

– О! Рашен мэн. Дринк? – намекаяще подсказала массажистка.

– Дринк? Да. Йес. Водки. Стакан.

– О! Рашен водка, – официантка вышла и тут же вернулась с подносом, на котором стояли два бокала, – будто из-за двери вытащила. Дождавшись, когда Коломнин подаст ей деньги, она выдавилась задом, оставив «новобрачных» вдвоем, – все с той же сальной улыбкой на губах.

– Да! Вот такие дела, – пробормотал Коломнин, с тоской наблюдая, как массажистка открыла воду в ванной и, не переставая улыбаться, шагнула к клиенту. Скользящим движением плеч сбросила с себя халатик и оказалась худенькой, узкобедрой, словно четырнадцатилетняя девочка. С личиком, привычно сведенным в гримасу желания, потянулась к нему и принялась ловко освобождать от одежды.

– Полагаешь, пора? – пролепетал Коломнин. Он проследил взглядом за сползшими вниз шортами. Не на что там было смотреть. – Ну, не суетись, басурманка. Давай хоть дрынком сначала.

С усилием освободившись от обволакивающих ручек, Коломнин шагнул к столику и решительно оглоушил бокал. После чего, выдохнув, повернулся к ошеломленной массажистке и решительно махнул рукой:

– Ладно, чему быть, того не миновать. Делай свое дело.

Он послушно проследовал в наполнившуюся ванну. Мытье, составлявшее первую часть ритуала, показалось даже приятно. Во всяком случае ласковые прикосновения губки и девичьих пальчиков вызвали умиротворение.

Потом девушка уложила распаренного клиента на массажный стол и принялась обмываться сама. Делала она это сноровисто, сосредоточенная на чем-то своем. И только время от времени, поймав на себе мужской взгляд, спохватывалась, прикрывала страстно глаза и

принималась тереть губкой промежность, делая при этом вращательные движения бедрами и томно постанывая.

Коломнин лежал на массажном столике и уныло вызывал в памяти какие-то возбуждающие ассоциации. Но почему-то больше ощущал себя больным, лежащим на операционном столе в ожидании умывающегося хирурга.

Когда массажистка вылезла наконец из ванны и, перебирая худенькими ножками, направилась к нему, Коломнин закрыл глаза и глубоко, обреченно вздохнул.

Впрочем, все оказалось не так и сумрачно. Быстрыми и неожиданно сильными пальцами она пропальпировала его сначала со спины, а затем, перевернув, принялась за грудь, так что Коломнин начал ощущать некое подобие истомы. Вслед за тем массажистка решительным движением сама запрыгнула на мужское тело и принялась тереться об него маленькими грудками. При этом прикосновение к жестким волосам оказалось ей заметно приятно, и она увеличила амплитуду движения, медленно сползая к животу и усиленно вращая ловким задиком.

Губы ее коснулись ложбинки пупка, язычок проник внутрь. Она чуть застонала и скользнула еще ниже. Теперь язык ее задвигался вдоль гениталий. Стоны сделались громче. Возбуждение ее все усиливалось и казалось неподдельным. Она даже замотала головой, будто теряя контроль над собой. Скованность Коломнина начала разрушаться. Нарастающее ответное желание заполняло его. И тут случайно заметил, что в то самое время, как тело девушки содрогалось от неконтролируемых конвульсий, правая ручка с механической неспешностью освобождала от целлофана приготовленный презерватив.

Разом вернулась опустошенность. Коломнин скосился вниз, вдоль своего тела. Увы! Жизни там не было и больше не намечалось.

Выдохнув, он высвободился и решительно спустил ноги вниз.

– Все! Сэнкью.

– Мистер! Мистер, проблем? – всполошилась перепуганная девушка. Природа ее испуга была понятна, – массажистка, не сумевшая ублажить клиента, расписывается в собственной профнепригодности.

– Гут! Зер гут! Все о, кэй! Мерси, – тараторя, Коломнин суетливо натянул на себя шорты, перебросил через плечо маечку.

Лицо девочки, несмотря на привычку скрывать чувства, было полно изумления.

– Молодец, умеешь, – он всунул в потную ладошку подвернувшуюся двадцатку. Поколебавшись, хватил второй фужер водки. – Извини, старушка. Май проблем. Как это? Ай хев проблем потеншен. Бай! Он сделал на прощание разухабистый жест рукой.

На первом этаже, куда Коломнин спустился, на диване, напротив открытого экрана, оживленно переговаривались несколько иностранцев. Среди прочих массажисток он заметил и свою «подружку», успевшую вернуться на место, – простое в работе быть не должно.

Мимо сновали разносившие напитки официантки. И ему казалось, что они косились на него с брезгливым сочувствием. Как на тяжело и постыдно больного.

Лишь через полчаса вывалился разморенный Ознобихин.

– Ну-с! С крещением! – приобнял он приятеля. – Умеют папуаски. Ты-то как? – Ничего вроде, – невнятно пробормотал Коломнин. Врал он скверно. Но и признаваться в несостоятельности было стыдно.

– И ты прав! По большому счету совсем не то, что прежде. У двери им пришлось постоять, пропуская большую группу немцев. Ознобихин проводил их глазами.

– А что поделать? Конвейер. Если б ты знал, как здесь работали клиента еще пять лет назад. И сравни, что делается теперь. Пропала подлинность. Истинная страсть, нежность. Какая-то, знаешь, механичность появилась. Все лучшее проклятая немчура опоганила, – вздохнул он так, как вздыхаем мы при воспоминании об утраченных чистоте и невин-

ности. – Но если ты думаешь, что экзотическая программа Николая Ознобихина закончена, то ты не ценишь своего друга. Сейчас такое покажу, – закачаешься!

При мысли, что придется пережить что-то подобное, Коломнин и в самом деле едва не закачался. Но, единожды решившись пройти по экзотическому кругу, приготовился терпеть дальше.

Скоро Ознобихин, проворно ориентируясь среди улочек ночной Поттайи, шмыгнул в переулочек и по винтовой лестнице принялся карабкаться к входной двери, над которой выделялось аляпистое панно с нарисованной обнаженной тайкой.

Заведение оказалось «крутым» вариантом стриптиз-шоу.

В небольшом затемненном помещении вокруг помоста за столиками угадывались редкие группки посетителей, а в центре ярко освещенного, гулко, словно барабан, круга, изогнувшись назад и присев на собственные пятки, что-то демонстрировала обнаженная стриптизерша.

Они протиснулись за свободный столик, с которого особенно хорошо была видна суть представления. Коломнин, приготовившийся присесть, разглядел эту суть и, непроизвольно перетряхнувшись, перебрался на стул, стоящий к помосту спиной. Постаравшись впрочем, чтоб это не выглядело демонстративным.

Девушка курила влагилицем. Судя по разбросанным вокруг бутылкам и яйцам, шла демонстрация нетрадиционных возможностей женских гениталий.

– погоди! Она еще жопой сигару выкурит! – азартно пообещал Ознобихин, подняв вверх два пальца и оглядываясь вокруг в поисках официанта.

И тут из темноты зала поднялась еще одна рука и приветливо помахала.

Ознобихин всмотрелся. – Не может быть! Где бы встретиться! Я всегда говорил: земной шар тесен, как коммуналка, – пробормотал он, поднимаясь. Из-за дальнего столика навстречу шагнула какая-то женщина.

До Коломнина донеслись звуки поцелуев, глуховатый женский голос, перебиваемый Ознобихинскими вскриками, беззаботный, оскольчатый смех. После короткого обмена репликами оба направились к их столику.

Привлеченный необычным смехом, Коломнин вглядывался в выступающую из темноты женщину лет тридцати, возвышающуюся на полголовы над приземистым Ознобихиным. Взмокшие соломенные волосы под воздействием бесчисленных вентиляторов, казалось, клубились вокруг слегка вытянутого, покрытого тонкой пленкой загара лица. Правая, окольцованная браслетом рука придерживала норовящий взлететь ситцевый сарафанчик. Черты лица ее не были идеально вычерченными. Но сама неправильность эта, наряду с порывистостью жестов, и составляли ее несомненное очарование. Во всяком случае для Коломнина. То ли этот смех так подействовал, то ли театральное, какое-то мистическое возникновение из темноты, – но он не мог заставить себя отвести от нее взгляд.

– Еще один, – констатировал Ознобихин, отодвигая для гостьи стул с видом на подиум. – Прошу знакомиться. Моя старая и добрая ...

– Что значит старая? Слова-то выбирай. Лариса, – она протянула ладошку, весело созерцая растерянность нового знакомого.

– Коломнин... То есть Сергей Викторович. В смысле – Сережа.

– Страшный человек, – счел нужным дополнить информацию Ознобихин. – Ты не гляди, что он тут перед тобой заикается. В банке от него другие заиками становятся.

– Да будет врать-то, – теряясь под ее любопытным взглядом, буркнул Коломнин. Не желая мешать нечаянной встрече, развернулся к помосту, где к тому времени рядом с первой появилась вторая стриптизерша. Улегшись на ковер впритирку, обе как бы играли в своеобразный волейбол: передавали друг другу влагилицами куриные яйца. Одна выдавливала их из себя, вторая – тут же всасывала.

Ознобихин с Ларисой сумбурно, как бывает при внезапных встречах, переговаривались, перебивали в нетерпении один другого и бесконечно упоминали общих знакомых. Из коротких реплик выяснилось, что Лариса отдыхает в составе группы откуда-то из Сибири, где, очевидно, и проживает.

Коломнину нестерпимо захотелось еще раз увидеть ее профиль. Особенно – завораживающие своей странностью голубые глаза. Вроде бы лучащиеся радостью и в то же время как бы отгороженные от мира. Будто бы какая-то часть ее организма веселилась, а другая, где-то в глубине, за этим весельем иронически подсматривала. Надеясь, что о нем забыли, он потихонечку, воровато скосился. И – поймал встречный, откровенно подначивающий взгляд. Смущенный, хотел вновь отвернуться. Но Ознобихин как раз отвлекся, захваченный происходящим на помосте.

– Скажите, а почему вы пересели спиной? – вдруг спросила Лариса.

– Да так... лицом к вентилятору, – кое-как нашелся Коломнин.

Ее смех подчеркнул нелепость ответа.

– Знаете, мне тоже не нравится. Заманили на экзотику, а как-то...

– Унизительно это.

– Да, пожалуй, – она будто удивилась неожиданно точному определению. – И уйти неудобно.

– Так давайте вместе, – брякнул он. Теряясь от собственной дерзости, поспешно исправился. – Я без задней мысли.

– А жаль, – у нее было какое-то угнетающее свойство подчеркивать его неловкость. – Имейте в виду: ничто так не обижает женщину, как ухаживание без задней мысли.

И сама же рассмеялась. Коломнин нахмурился. Он не обиделся, нет. С того момента, как эта женщина возникла из темноты, он разом признал ее власть над собой. Просто ощущал собственную безнадежную мешковатость.

– Скажем прямо, не Цицерон, – Ознобихин, оказывается, хоть и краем уха, но прислушивался к несвязному их диалогу. – Но хочу заметить, Лара, что Сергей Викторович относится к той редчайшей категории, кто, неясно выражая, все-таки ясно мыслит. Так что – не спеши с выводами.

– Хорошо, не буду. Тем более есть время присмотреться. Сергей Викторович только что предложил похитить меня отсюда.

– Я?! – Коломнин смешался.

– И я его предложение приняла.

– То есть мы уходим? – Ознобихин с сожалением оторвал взгляд от помоста.

– МЫ уходим, – поднявшаяся Лариса придержала его за плечи. – А ты, Коленька, оставайся. Не лишай себя райского наслаждения.

– Но – после стольких лет... Не можем же вот так – разбежаться. И потом – твоя группа? – он кивнул в сторону темного угла.

– Черт с ними. Надоели. А с тобой еще увидимся. Тем более ты теперь будешь знать, где я обитаю. Надеюсь, Сергей проводит меня до отеля?

Коломнин, в горле которого пересохло, посмотрел на Ознобихина.

В вальяжном поощрительном жесте Николая перемешались обескураженность и досада.

Прогулка не заладилась. Поначалу Коломнин пытался на легкие реплики Ларисы отвечать так же небрежно и остроумно. Но непреодолимая стеснительность навалилась и смяла его, будто школьника на первом свидании.

Примолкла и оживленная поначалу Лариса. Через узенький глухой переулок они вышли на одну из центральных улиц, уставленную бесчисленными барными стойками,

возле которых на табуреточках поджидали клиентов проститутки. Коломнин помахал им рукой. Радужные тайки, пересмеиваясь, призывно замахали в ответ.

– С ними у вас получается бодрее, – отреагировала Лариса.

– Да. С ними я само остроумие, – совсем уж некстати брякнул Коломнин.

Странно глянув, она чуть покачала головой.

В давящем, безысходном молчании по праздничной, переполненной отдыхающими набережной добрались они до отеля с неоновыми буквами на крыше – «Холидей». Здесь Лариса остановилась.

– Ну что ж, похоже, ваши муки кончились, – она протянула руку. – Благодарю за доставленное удовольствие. Давно не приходилось гулять с таким занимательным рассказчиком. Скажите, вас прежде не упрекали в болтливости?

Пунцовый Коломнин лишь мотнул головой.

Лариса хмыкнула:

– Кстати, вы в самом деле редкий мужчина. За все время ни разу не скосились ни на одну из встречаемых женщин.

– Правда? Вообще-то я их не заметил, – удрученно признался Коломнин.

– Ну что за прелесть? В кои веки сделал женщине роскошный комплимент и даже не понял этого!

Она улыбнулась проходившему молоденькому узкобедрому юноше с карликовым пуделем на поводке. Тот тотчас взбодрился орлом и, пройдя несколько шагов, остановился в нерешительности. Коломнина словно кольнуло изнутри: – Приехали отвлечься от семейных проблем?

– По счастью, не с вами, – глаза Ларисы заledenели. Резко повернувшись, шагнула к отелю.

Округлые, будто кегли, ножки ее, простучали по брусчатке прощальный марш. Швейцар услужливо распахнул дверь.

Незадачливый, ненавидящий себя ухажер остался в одиночестве среди бушующей толпы.

– Да и черт с ней! Одному спокойней, – неприязненно сообщил он юнцу. – Или, может, не согласен? – Йес, йес, сэр, – подхватив собачку, тот метнулся через дорогу.

Коломнин брел по залитой светом, наполненной гулом прибоем набережной, под пальмами, укутанными в рассыпчатые гирлянды, мимо полыхающих магазинчиков с бижутерией и фруктовых лотков с разноцветными, упакованными, будто елочные шары, плодами. Лампочки на фонарных столбах свисали гроздьями переспелых слив. Шел, натываясь на праздничных людей, то и дело встряхивая в отчаянии головой. Память упорно возвращала его к разговору с Ларисой, оживляя произнесенные им квелие, некстати фразы или, напротив, произнесенные напрашивавшиеся ударные реплики, которые, быть может, заставили бы Ларису взглянуть на него хоть с каким-то интересом. Мозг его услужливо напомнил последнюю фразу, что выпалил он при прощании. Верх бестактности: упрекнуть в жизнерадостности женщину, что всю дорогу пыталась вести разговор за себя и за того увальня, что навязался ей в попутчики. И в чем обвинил? Что к тридцати годам не научилась улыбаться? Так то не заржавеет. Во всяком случае знакомство с подобным Коломниным жизнерадостности явно не добавит.

Застонав, он ткнулся лбом в ближайший столб.

– Вам плохо, Сергей Викторович? – произнесли рядом. Катенька Целик заботливо заглянула в его лицо. Сзади вырисовывалась физиономия Маковеев, выражавшая смесь озабоченности и досады. Неожиданная встреча могла испортить его планы на вечер, – как и вся банковская группа, он знал о домогательствах энергичной Целик и – молча мучился.

Похоже, опасения его оказались не напрасны. Катенька цепко подхватила Коломнина под локоть, прижалась томно:

– Я вас весь вечер разыскивала. Хотела в ресторан пригласить. Но теперь уж не отпущу.

– Да. Теперь не отпустим, – безнадежно напомнил о себе Павел.

Нынешнее состояние его было Коломнину понятно как никогда. Он освободился от девичьей опеки, с силой, несмотря на легкое сопротивление, вложил ее руку во взмокшую Пашенькину ладонь:

– Сегодня без меня развлекитесь, ребята.

– Кстати, Павел. Хочу тебя по возвращении к себе в управление забрать. Пора расти над собой. Как? Не возражаешь?

– Так... как скажете, – Маковей и Катенька одновременно запунцовели: он – от счастья, она – от негодования.

В огромном, отполированном, будто каток, холле отеля «Палас ройяль» было, как всегда, многолюдно и суетливо. Прислуга таскала к автобусу составленные чемоданы отъезжающих. В креслах, перед телевизорами, дремали в ожидании размещения вновь прилетевшие. Меж ними с напитками сновали официанты. Из глубины, со стороны кегельбана, доносились звуки катящихся шаров. А прямо по центру зала, подле сказочной избушки, вокруг которой, как обычно, возились дети, вертелась кокетливо вставленная в кадку пышная, неведомо как завезенная сюда елка, – шли рождественские праздники. До российского Нового года оставалась неделя.

Коломнин собирался подняться на этаж, где разместили их тургруппу. Но понял, что уснуть не сможет, и повернул к номеру Ознобихина. Предусмотрительный Николай по приезде быстренько доплатил и снял люкс в дальнем крыле с таким расчетом, чтобы отгородиться от бдительной опеки банковских сплетниц. На первый стук никто не ответил, но Коломнин постучал вторично. Им вдруг овладело нетерпеливое, мазохистское желание рассказать Ознобихину о случившемся, выставив себя на нещадное осмеяние. Желание столь сильное, что он даже в нетерпении прихлопнул по двери ногой.

Наконец, в глубине послышался шорох. С той стороны двери выжидательно задышали.

– Да я это, я! – облегченно выпалил Коломнин.

Номер раскрылся, и в щель просунулся бдительный Колин носик:

– Предупредил бы! Я уж решил, что наше бабье выследило.

Укутанный в японский, расшитый драконами, халат Ознобихин посторонился, пропуская внезапного гостя.

– А я тут пару таечек надыбал. Не удержался, – похвастался он, приоткрыв дверь в дальнюю комнату, где на широкой кровати поверх одеяла оживленно лопотали меж собой две полураздетые девчушки. – Может, присоединишься?

– С меня хватит. Выпить есть?

Ознобихин взглянул пристальней, неспешно открыл наполненный бутылками бар, выбрал джин:

– И как погуляли? Как тебе Лариса?

– Так, хохотушка, – вопреки собственному намерению брякнул Коломнин. – Легко живет.

Рука наливавшего спиртное Ознобихина дрогнула:

– Даже так?

Он поставил на журнальный столик два бокала, всмотрелся в набычившегося приятеля:

– М-да, сильна баба. Это надо – как удар держит. Мужiku позавидовать. А тебе по должности положено повнимательней быть.

– То есть?

– То-то что «то есть». Больно мы скоры в суждениях, – Коля неспешно глотнул джинну, посмаковал, выдернул из блюда с фруктами крошечную виноградинку и отправил следом. – У этой хохотушки два года назад на пороге квартиры, можно сказать, на ее глазах, киллер расстрелял мужа. Любимого, между прочим. Я его знал. Достойный был мужик. В нефтяном бизнесе крутился. Хороший мой приятель, кстати. Одно время вместе кучковались. Даже общее дело планировали. Только я в банк отдался, а его месяца через два замочили: вроде как в криминал окунулся и чего-то там не поделили. Она за ним как за сейфовой дверью горя не знала. А как погиб, осталась с пятилетней дочерью. И денег – тью-тью. Как не было. Через месяц после его смерти нажралась люминалу. Едва откачали. Свёкр из Сибири приехал. И обоих: невестку и внучку, – к себе забрал. Вот так при нем и выхаживалась – из неживых в едва живые. Это только теперь уломали съездить развеяться. А ты говоришь...

– Я говорю, что я урод! – с чувством сообщил Коломнин. – Кто бы спорил! Хотя мужик ей точно нужен. Аж сочится баба.

– А ты что ж?

– Мне не даст и под пистолетом.

– Потому что друг мужа?

– И это тоже. Словом, без шансов. А вот ты, думал, сумеешь растопить.

Из спальни послышалось напоминающее скрежетание.

– В общем, если хочешь, подожди. Я их с полчаса пошпокаю да выставлю. Еще посидим.

Последней фразы Коломнин не расслышал, как не обратил внимания на то, что исчез Ознобихин. Услышанное ошеломило его. Он наконец понял, что так поразило в этой беззаботной вроде женщине. В ее смеющихся глазах угадывалась наледь. Как ряска на стылой воде, когда первая, едва заметная пленка отгораживает от внешней жизни впавшую в зимнюю спячку реку.

Вышедший через сорок минут Ознобихин не застал в номере ни внезапного гостя, ни початую бутылку джина.

Утром следующего дня, едва встряхнулись от дремы «пляжные» тайцы, на набережной появился всклокоченный невыспавшийся человек. Он уселся на парапет строго напротив отеля «Холидей», что-то непрестанно бормоча про себя. Несмотря на горячее состояние, он пристально вглядывался в наполняющийся людской поток, потекший от отеля к пляжу. В какой-то момент вздрогнул, очевидно, заметив того, кого высматривал, но вопреки логике не пошел навстречу, а напротив, поспешно спрятался за подвернувшуюся пальму.

Еще с час Сергей Коломнин издали наблюдал за группкой отдыхающих, среди которых была и Лариса. Несколько раз порывался подойти, но всякий раз кто-то из окружающих оказывался поблизости, и он вновь ретировался. И только, когда Лариса в одиночестве направилась к воде, Коломнин решился. Не успев даже надеть сброшенные сланцы, журавлиным шагом перемахнул он горячую песчаную полосу и остановился чуть сзади, перебирая босыми ногами и пытаясь сдержать дыхание. Видимо, неудачно. Потому что женщина встревоженно обернулась.

– Ба! – вяло удивилась она. – Весельчак – балагур. Не нащебетались вчера?

Всмотрелась в его страдающее лицо. Что-то про себя определила.

– Так, понятно! Вижу, здесь подработал Ознобихин. Так вот прошу запомнить, я на отдыхе и никакие утешители мне...

– Вот, – Коломнин выдернул из кармана шорт смятый лист и протянул Ларисе. Она взгляделась в несвязные, отрывистые записи и непонимающе подняла глаза.

– Это веселушки всякие. Я ночью накидал для памяти. Словом, обещаю, буду прямо по темам рассказывать. Все, что захочешь. Ларис, пойдем погуляем, а?

– М-да, – в некоторой растерянности протянула она. – Такое мне еще точно не попало.

– Я вообще-то по жизни человек веселый, – заискивающе попытался набить себе цену Коломнин. – С тобой только что-то торможу. Но это, наверное, пройдет. Дня через два-три.

– Еще и стратегическим планированием увлекаетесь, – она с интересом смотрела на странный танец, что исполнял он на песке обожженными ногами, не смея отбежать к воде. – Ладно, разрешаю остудиться и подождать у асфальта. Все равно перезагорала.

Это было странно. Но теперь, когда Коломнин узнал о ней главное, с него как-то сама собой спала вчерашняя одеревенелость. И хоть не заливался соловьем – чего не умел, того не умел, – но стало им легко и свободно, потому что то, что рассказывал один, оказывалось неизменно интересным другому. Вечером отправились они гулять по ночной Поттайе. И Коломнин вдруг разглядел этот город, по которому до того вроде бы и не ходил, – так, шмыгал. А теперь упивался, потому что вся эта сочная экзотика оттеняла Ларису. Они вновь шли мимо бесчисленных барных стоек на душных улицах. Как и вчера, он приветствовал восседающих на табуретах проституток, и те с неизменным радушием махали в ответ, что вызывало веселые, согревающие его душу Ларисины комментарии. Они садились за столик возле ринга для кик-боксинга, на котором молотились, сменяя друг друга, пары боксеров, и Коломнин отмечал, что официант, выслушав Ларисин заказ, выполняет его с особенным удовольствием. Порой он умышленно приотставал, делая вид, что развязался шнурок, и потом нагонял, не сводя глаз с тугих икр. Как-то остановились у лотка с фруктами, и Лариса принялась запоминать экзотические названия, что на ломаном английском выговаривал продавец.

Коломнин же тихонько перешел к цветочнику, у ног которого стояла широкая, словно тазик, корзина с тропическими цветами. Ткнул в нее пальцем. – Ай вонт ту! Хау...как это? Хау матч?

– Ту?! О! Сиксти долларс!

– Сиксти? Это, стало быть? Ван, ту!.. Шестьсот, что ли?!

– Йес, йес! Сиксти!

Коломнин помертвел: ни на что подобное он не рассчитывал. В кармане едва набиралась сотня долларов. Да и, честно говоря, названная сумма превышала всю оставшуюся в отеле наличность.

Но отступать было поздно, – подошедшая Лариса с любопытством прислушивалась к разговору.

– А! Где наша не пропадала?! – Коломнин сорвал с руки «Роллекс», купленный полгода назад с банковской премии: президент банка внушал высшему менеджменту, что часы, наряду с ручкой и галстуком, – лицо банкира. – Вот это стоит девятьсот долларов. Девятьсот, понял?! Отдаю!..Погоди, как девятьсот на твоём поганом языке будет?

Он мог бы не затрудняться. Продавец, затаив дыхание, нетерпеливо тянулся к часам: тайцы давно научились разбираться в дорогих вещах.

– Пойдем отсюда, Сережка! – Лариса подхватила спутника за руку. – Стоит ли тратить сумасшедшие деньги на прихоти?

– Стоит! – упрямо заверил Коломнин. – На тебя – стоит!

Лариса улыбнулась:

– Тогда, раз уж решился, перестань мучиться и дай ему шестьдесят долларов. Уверю тебя, останется доволен!

Она расхохоталась:

– Языки учить надо, юноша! Сиксти – это как раз шестьдесят. Добавь пять долларов, и цветы доставят прямо ко мне в отель, – она обменялась с разочарованным продавцом несколькими репликами на английском и увлекла кавалера дальше. – А вообще – спасибо.

– За цветы-то? Оно того не стоит.

– За цветы тоже, – Лариса поколебалась. – Расскажу все-таки. Подобное у меня было один раз. Я была студенткой, и меня тогда из всех сил обаял один аспирант. Всё замуж звал. А я... хоть и нравился, но вертихвостка та еще была. Так что динамила от души. И как-то затащил он меня в меховой салон. Решил подарить шубу. А сам-то, я знала, жил в общежитии, помощь от родителей не принимал, хотя все были в курсе, что батюшка вполне при больших деньгах. По ночам какие-то фуры разгружал, чтоб было на что угощать. Единственно – на День рождения перед тем ему отец «девятку» подарил. Перламутр. Тогда это самый писк был. Против машины не устоял – принял. Очень гордился. Хвоста распускал, когда по Москве рассекали. Вот на ней и подъехали. Только не в тот отдел черт его дернул зайти, – в шубах-то не разбирался. Так что примеряла я норку. Смотрелась, видно, удачно. Он аж зарделся:

– Берем!

– Ради Бога! – и выписывают чек на нынешние две тысячи долларов.

А у него, бедолаги, на все-про все триста в заначке.

Я, конечно, снимать шубу. Да и мерила больше, чтоб подурчиться. Гляжу, побелел:

– Сказал, твое. Значит, носи!

Директора истребовал. Документы и ключи от машины вынул:

– Хочу невесте подарок сделать. А мелочь забыл. Если завтра не принесу деньги, тачка твоя!

Пижонство, конечно. Но ты бы видел, как мы уходили! Весь магазин сбежался посмотреть.

– И что? Выкупил?

– Откуда? Я и то уговаривала: у отца попроси. Вышлет.

Так аж зубами закрипел. Потом на меня посмотрел и расплылся:

– Да и черт с ней, с машиной. Зато как на тебе сидит! Надо обмыть! И тут же на последние заначенные триста баксов всю общагу в ресторан потащил!

– И это был твой муж?

– Да, – тихо подтвердила Лариса. – Ты мне сейчас... что-то вдруг от него.

Коломнин смолчал. Услышанное не показалось ему комплиментом. Как бы хороша ни была копия, она всегда останется лишь слепком с оригинала. Да и масштаб – что говорить – не тот.

Словно угадав его душевное состояние, Лариса благодарно сжала его локоть.

Совсем далеко за полночь, вовсе не чувствуя ног, остановили они знаменитый тук-тук – местное маршрутное такси: крытый минигрузовичок с двумя параллельными скамейками, каждая рассчитанная на пять человек, – и добрались до ее отеля. Коломнин выпрыгнул первым и сразу повернулся помочь. Так что соскочившая следом Лариса невольно оказалась в его объятиях. – Вот только без... – она быстро выставила меж ними ладонь, стараясь, видимо, опередить тем какое-то его движение. Но в следующую долю секунду поняла, что ни о каком движении он и не помышлял, и – рассмеялась: смущенно и чуть раздосадованно.

Быть может, досада ее пропала бы, если б сумела догадаться о том, что происходит внутри неловкого ее ухажера. Коломнин не просто увлекся. Он ошалел. Каждое прикосновение к Ларисе вызывало в нем такое желание, что он едва сдерживался, боясь выдать его и тем оскорбить молодую женщину. Но сдерживаться с каждым днем становилось все трудней. И он изнывал от адской смеси из глубочайшей, пронизывающей нежности и едва подконтроль-

ного желания схватить эту покрывшуюся шоколадной корочкой женщину и не выпускать. В какую-то минуту, во время купания, Лариса, расшалившись, принялась крутиться вокруг него, пытаясь ухватить сзади за плечи, Коломнин, вывернувшись, обхватил ее за талию и, задохнувшись, прижал к себе, неловко тыкаясь губами в мокрые волосы. Он даже успел ощутить ответное подрагивание. Но тут же Лариса с силой оттолкнулась:

– Никогда! Чтоб никогда! Или... пойми.

– Я не хотел. Я думал... – Коломнин обескураженно поплелся к берегу.

Через минуту Лариса тихо присела рядышком:

– Ты извини меня, Сережа! Я, конечно, дура. Но – я не могу. Понимаешь? Мне до сих пор ночами муж снится. И если тебе совсем в тягость, то... – она облизнула губы. – Может, лучше не надо себя мучить. Разойдемся и ...

– Ну что ж! – Коломнин резко повернулся.

Он увидел испуганные ее глаза, и приготовленные слова про то, что муж ее давно мертв и нельзя жить воспоминаниями, а сам он все-таки мужчина и не может не думать о ней как о женщине, сами собой проглотились.

– Ничего, Лариса. Можно и просто... Раз уж так сложилось, – он зарыл голову в горячий, остужающий песок.

На третий день на пляже их разыскал Ознобихин.

– Совет да любовь, – томно проворковал он. Прижавшиеся словно ненароком влюбленные инстинктивно отдернулись друг от друга.

– А мы это... загорает, – теряясь, сообщил Коломнин.

– А я это вижу, – Ознобихин наклонился, чтобы поцеловать руку Ларисе. И – пристально, с невыказанным вопросом заглянул в ее глаза. Удивленно разогнулся. – Ребята! А я, представьте, без вас соскучился. – А как же любимые тайки? – подколола Лариса.

– Тайки, как кокосы, приедаются. Предлагаю сегодняшний день провести вместе.

Он заметил, как переглянулись они меж собой со сдержанным разочарованием. И объяснились, усмехнувшись:

– Завтра срочно улетаю в Москву... Президент банка затребовал по мобильному. Какой-то новый проект. Так что – прошу не побрезговать. Тем более и программу предлагаю не хилую: Минисиам, битва слонов.

– Слонов?! – Лариса разом уселась на песок. Умоляюще глянула на Коломнина. – Слоны ведь!

– Слоны так слоны, – Коломнин поднялся, подумав, что появление Ознобихина даже кстати: лежать рядом с разгоряченной женщиной ему сделалось до того невозможно, что аж в песок взгызся: желтоватые зернышки захрустели на белых его зубах.

– Тогда прошу в авто, – вверху, на набережной, красовался могучий внедорожник. В отличие от прижимистых немцев, новые русские предпочитали брать на прокат массивные вездеходы.

О согласии своем Коломнин пожалел очень быстро. Он сидел на заднем сидении и с завистью слушал, с какой легкостью общается Николай с раскинувшейся впереди Ларисой. Теперь ему казалось, что Лариса улыбается в ответ на пошловатые шуточки Ознобихина с той же манящей интонацией, с какой раньше отвечала ему. Может, в самом деле привиделось ему это особое ее отношение? Скоро час, как они в пути, а она ни разу, считай, даже не скосилась в его сторону. Щебечет себе. Загорелые ноги она возложила на «торпеду», темные очки сдвинула на выгоревшие волосы. Вид ее был исполнен томности и безмятежности. Правда, раза два к нему обратился Ознобихин, но Коломнин что-то буркнул в ответ, и о нем забыли окончательно.

Не понравился ему и Мини-сиам. Даже не сам Мини-сиам. Огромная площадка, уставленная уменьшенными копиями знаменитых архитектурных творений, действительно про-

изводила впечатление. И не только на них. Двигавшиеся параллельно две старушки-француженки деловито снимались на видеокамеру у каждого макета, отчетливо произнося название, – словно картошку окучивали. Приятно в самом деле запечатлеться в обнимку с храмом Василия Блаженного, панибратски оглаживая узорчатый его купол, – будто лысинку приятеля. Или, расставив ноги, пропустить меж них знаменитый лондонский мост, ощущая себя Гулливером в стране лилипутов. Так что сам Минисиам Коломнину как раз понравился. Не понравилось в Минисиаме. Потому что очевидно хорошо было Ларисе и Ознобихину. Вошедший в раж Николай беспрестанно снимал ее на видеокамеру, а та в свою очередь с хохотом принимала самые экзотические, на грани приличия позы. И чем веселей было им, тем в большую угрюмость впадал Коломнин. Так что до аттракциона слонов он доехал, едва разжимая губы. Теперь для него стало совершенно очевидно, что вся та особенная нежность, что очаровывала его в Ларисе и давала надежду, была всего-навсего жеманством опытной женщины, боящейся раньше времени лишиться неприятельного поклонника.

У входа в слоновий цирк всю раскупали связки бананов – призовые для артистов. Цирк представлял собою прямоугольник метров на сто пятьдесят длиной, по правому краю которого была выстроена покрытая тентом трибуна на полтора десятка рядов.

Слоны с дремлющими на них погонщиками выстроились на арене вдоль трибуны, и барственными кивками голов приветствовали рассаживающихся зрителей. Изредка кто-то из детей протягивал в сторону слона банан, и тот, вытянув хобот, с достоинством принимал подношение.

Увы! К тому времени, когда троица путешественников появилась у трибуны, передние ряды оказались забиты. Правда, благодаря нахрапистости Ознобихина, сдвинувшего группку иностранцев, они втиснулись на первый ряд, но воздух на всех уже не хватало.

– Душно, – пожаловалась Лариса.

– Сейчас станет свободней, – пообещал Ознобихин, похоже, задавшийся целью исполнять все ее прихоти. Он выдернул из пакета объемистую связку бананов и призывно принялся помахивать ею перед расположившимся подле слонем. Тот неспешно приблизился, протянул предвкушающе хобот. И тут Ознобихин, дав ему понюхать лакомства, чем раздражил аппетит, внезапно швырнул бананы через правое плечо в задние ряды. Разохотившийся слон немедля ломанулся следом. Зрители с визгом и воплями, подхватывая детей и давя друг друга, брызнули врассыпную. Лишь через несколько секунд погонщик сумел укротить слона и заставить попятиться на место.

– Я же обещал, – гордый удавшейся рискованной шуткой, Ознобихин повел рукой вдоль опустевшего ряда. Так и не добравшийся до заветной связки слон злобно косил на них взглядом.

– А если бы кого задавил? – не удержался Коломнин.

– Тогда бы получилась шутка с перцем, – Ознобихин широким жестом предложил разбежавшимся зрителям вернуться на места. – Только нельзя все время жить в сослагательном наклонении. Надо уметь, что задумал, то и получить. Как мыслишь, Лара?

Поощрительная, хоть и несколько озадаченная, улыбка Ларисы стала ему наградой за удачу. А Коломнина окончательно вогнала в транс. Когда объявили шоу для желающих испытать острые ощущения, он поднялся и решительно вошел в круг. Увлеченные разговором Ознобихин и Лариса даже не успели его удержать.

Добровольцев принялись раскладывать на циновки вдоль пути, по которому должен был пройти, переступая через них, слон. Укладываемые держались неестественно оживленно. То и дело раздавались приступы нервного смеха, плохо скрывающие нарастающий страх. В отличие от сотоварищей по аттракциону Коломнин улегся на циновку отстраненно, будто укладывался в тенечке на пляже. Прикрыв ладонью глаза, размышлял он о дурацкой роли, что играл при этих двоих, и о проклятом своем косноязычии, не позволявшем вести

легкую, порхающую беседу, что так запросто умел Ознобихин. Мысли его становились все мрачней. Он даже решился по возвращении в Поттайю зарыться на пляже и не видеть Ларису вплоть до самого отъезда. И в этот момент ощутил телом гулкие сотрясения земли.

Слон с безучастным погонщиком на спине приближался все ближе и ближе, неспешно переступая через лежащие тела. Но он не просто шел. Это оказался слон – игрун. То он вызывал хохот трибун, пытаясь хоботом развязать бюстгальтер на сомлевшей девушке, то принимался дуть на чье-то побелевшее лицо, так что песок вздымался вокруг.

Наконец топот добрался и до отвернувшегося в другую сторону Коломнина. Коломнин чуть напрягся, готовясь к моменту, когда тяжелое тело переступит через него. Но никто не переступал. Более того, на стадионе наступила полная, до жути тишина. Коломнин медленно повернул голову и – посерел! В воздухе, в метре над грудью его, зависла могучая, переломленная в колене колонна, так что можно было пересчитать прилипшие к подошве травинки и камушки. Колонна чуть подрагивала, будто в нерешительности. Не надо было большого воображения, чтобы представить, во что превратится его грудная клетка, если слон и впрямь вздумает опустить ногу. Мало какому повару удастся так раздробить цыпленка табака. Страх овладел Коломниным. Но кричать было стыдно. Да и небезопасно, – слон мог наступить, испугавшись. В поисках помощи Коломнин попытался найти взгляд погонщика, но проклятый таец, похоже, и вовсе заснул в своей люльке. А вот со взглядом слона – пристальным и, казалось, осмысленным – он схлестнулся. И на место страха пришел едва контролируемый ужас. Потому что теперь он мог бы поклясться, что это тот самый слон, с которым сыграл злую шутку Ознобихин. Тихий стон просквозил по трибунам – наслаждаясь своей властью над беспомощным человечком, слон принялся медленно, по сантиметрам, опускать могучую лапу все ниже и ниже: полметра, сорок сантиметров, тридцать...

Коломнин с мальчишеской мстительностью представил рыдающую над раздавленным его телом Ларису, порадовавшись, между прочим, что лицо останется целым. И странная, отчаянная веселость овладела им.

– Ну, давай, не тяни! Кончай разом! – прохрипел он.

При общем вздохе слон опустил ногу, в последний момент сделав ею изящный пируэт, так что наступил уже на землю, в нескольких сантиметрах позади лежащего тела.

Ни секунды ни медля ухватил он хоботом Коломнинские шорты, сдернул их книзу и чувствительнейшим своим пальчиком потеревил квелый член. Трибуны разразились облегченным хохотом. Слон не убил обидчика. Он сделал больше. Он осмелел его.

Животные не умеют усмехаться. Но Коломнин поклялся бы под присягой, что морда слона, перед тем, как тот направился дальше, исполнена была торжества.

Сопровождаемый сочувственными насмешками, Коломнин вернулся на трибуну. Лариса недвижно стояла возле своего места, держась за шест. По лицу ее, усеянному каплями пота, как у человека, находившегося на краю большой беды, Коломнин все понял.

– Вот так мы с ним повеселились, – пробормотал он.

– Поехали, – не оборачиваясь, хрипловато произнесла она.

– Да вы чего? Еще гонки будут. Потом сражение, – расстроенный Ознобихин со вздохом поднялся.

Разговор в дороге как-то не сложился. Веселье выдохлось; каждый молчал о своем. Через сорок минут Джип остановился у отеля «Холидей». – Стало быть, даю команду. Лару пока высаживаем. А вечером приглашаю всех на отвалный ужин, – пытаясь вернуть тону прежнюю веселость, распорядился Ознобихин. – Хоп?

– Сережа выйдет со мной, – после короткого раздумья объявила Лариса. – И вообще, Коля, ты извини, но на вечер у нас другие планы.

Надо отдать должное Ознобихину: человеком он оказался тонким. Высадив парочку на асфальт, понятливо, хоть и сокрушенно кивнул:

– Тогда прощаюсь. С тобой, Сергей, до скорой встречи в банке. А с Ларой... Просто рад, что ты ожила. И – Бог в помощь! Разухабисто махнув на прощание, он рванул с места.

– Мы куда-то?... – пролепетал Коломнин.

– Молчи, – Лариса ухватила его за руку.

В лифте «Холидея» он заметил подрагивающую складку у губ, вопросительно провел по ней пальцем.

– Просто я вдруг представила, что тебя могут убить, – коротко объяснилась она. – Но, пожалуйста, Сереженька. Ты должен быть очень нежен. Понимаешь?

Коломнин задохнулся до слез. Он просто не мог представить себе, как можно быть с ней нежным.

На другое утро, в половине восьмого, Коломнин добрал до своего отеля, и в холле столкнулся с отъезжающим в аэропорт Ознобихиным.

– Хорош, – оценил тот. – Вот это называется погулял так погулял.

– Да и ты тоже, – лицо Ознобихина было помято, будто подспущенный футбольный мяч. – Должно быть, в последнюю ночь половину таск переимел!

– Что тайки? – Коля поморщился. – Я тебе, Серега, большую тайну скажу: все потаскухи мира не стоят одной настоящей женщины.

Он завистливо всмотрелся в счастливо изможденное лицо.

– Жаль! Я ведь совсем было вчера решил у тебя Лариску увести. Да, видно, не судьба. За тебя зацепилась, – он скользнул взглядом по приятелю, как бы удивляясь причудам женщин.

Хохотнул, распространив вокруг свежее амбрэ, притянул озадаченного Коломнина за плечи:

– Ларка настоящая. В этом-то я разбираюсь. Попытайся удержать, если сумеешь. Она того стоит.

Оглянувшись, обнаружил застывшего носильщика:

– А ты чего подслушиваешь, папуас? А ну живо кати тачку.

Глянул вслед засеменившему за каталкой тайцу:

– А еще говорят, по-русски не понимают. Тут главное не язык, а умение доходчиво объяснить.

Он тряхнул увесистым кулаком, еще раз кивнул и вальяжно направился к такси, водитель которого при приближении строгого господина поспешно снял фуражку и распахнул дверь.

Коломнин покрутил головой, как бы соображая, зачем он оказался в этом отеле. И – повернул назад.

Через полчаса в номер Ларисы постучали. Завернувшись в простынку, она приоткрыла дверь, глянула сквозь смеженные веки. В коридоре стоял ушедший под утро любовник.

– Что? Уже позавтракал? – заспанно пробормотала она.

– Знаешь, я тут подумал... Завтрак без тебя – это так долго, – Коломнин вытянул из-за спины бутылку шампанского и промасленный пакет.

Смешался под ее раскрывающимися от удивления глазами.

– Соскучился я, Ларис, – смущенно признался он.

– Ба, да здесь еще и море, – усмехнулась она, воспроизведя последнюю фразу известного анекдота. Увидела в зеркале темные круги под собственными глазами. – Ты вообще-то отдыхаешь?

– Так я затем и вернулся. – ободренный ее поощрительным взглядом, он втиснулся в комнату.

Коломнин то и дело спрашивал себя, был ли он когда-либо счастливей. И уверенно, сплевывая через левое плечо, отвечал себе: «Нет! Ничего подобного не знал он». В сорок два года ураганом обрушилось на него чувство, и влегкую разметало сложившиеся привычки и стереотипы. Каждое утро, просыпаясь, он со страхом поворачивал голову, облегченно убеждался, что на соседней подушке посапывает ЕГО любимая. И в предвкушении нового дня радостно преображался. Очевидные изменения произошли и в Ларисе. Ледок в ее глазах растаял, и смех, до того служивший привычным заслоном от неловких соболезнований или притворного сочувствия, теперь сделался беззаботным и даже бесшабашным.

Они нашли друг в друге не только любовников. Лариса, прежде замыкавшаяся, едва разговор касался ее личной жизни, теперь бесконечно рассказывала ему о дочери, о свекре, едва не свихнувшемся после смерти единственного сына, а отныне причудливым образом любящего его в своей невестке. Рассказала и о том, о чем все эти годы просто не позволяла себе вспоминать, – о муже. И, рассказывая, поражалась тому, что заговорила об этом не то чтобы спокойно, но светло: как говорят о жестоком пожаре в саду через несколько лет, – среди новой подрастающей листвы.

А Коломнин жил теперь одной заботой: следил за календарем. Он дрожал над каждым новым днем, как безденежный пассажир с нарастающим страхом следит за мельканием цифр на счетчике такси, пытаясь остановить его взглядом. Но чем счастливей было им, тем короче оказывалось время от восхода до заката. И от заката до восхода.

О Новом годе они вспомнили в постели, за пятнадцать минут до его наступления. Тут же, натянув плавки, купальник, метнулись в бар, где прихватили бутылку шампанского. Ровно в двадцать три пятьдесят семь добежали до бассейна, от противоположного угла которого доносилась разудалая матерная песнь, – русские, как всегда, начали отмечать заблаговременно. Вскрыв бутылку и разлив шампанское по стаканчикам, Коломнин, а вслед за ним и Лариса нырнули в бассейн, подплыли к кромке.

– Пять! Четыре! Три! Две! Одна!.. – отсчитывал Коломнин. – С Новым годом, Лоричка!

– С Новым годом, – они поцеловались и не прервали поцелуя, пока ноги не коснулись дна бассейна.

Прямо под воду донесся могучий разноголосый рев, – шло массовое братание россиян.

– Сережа! Я хочу сказать, – Лариса выбралась на бруствер. – Я тебе очень благодарна. Ты даже сам не знаешь, что для меня сделал!

– А ты для меня! Предлагаю тост: чтоб ты немедленно вернулась в Москву и чтоб все последующие тосты я произносил только для тебя и при тебе.

– Вот как? А как же твоя семья? Жена?

– Семья? – сказать по правде, за эти дни Коломнин и думать забыл, что существует иная жизнь. Он замялся неловко. И этой заминки хватило, чтобы Лариса, с волнением ждавшая ответа на давно наболевший в ней вопрос, отвернулась. – А что семья? Она сама по себе. У тебя ведь есть своя квартира. Мы – это... взрослые люди.

И, только разглядев поджатые ее губы, сообразил, что сморозил что-то вовсе не к месту.

– Вот то-то что! Не бери в голову, Сереженька! – она тихо засмеялась. – Курортные романы приходят и уходят, а жизнь продолжается. Может, в том их особая волнительность, что не имеют последствий: как будто внутри жизни прожил еще одну, коротенькую, но взахлеб. А после разбежались, и – обоим есть, о чем вспомнить.

– Кто разбежались? – до Коломнина начало доходить, к чему она клонит. – Как это? Совсем?!

– Совсем, Сережа, – Лариса подлила шампанского. – У меня своя жизнь там. У тебя – своя. В другом «там».

– Но это...неправильно. Как же порознь? Не будешь же ты всю жизнь высиживать возле своего домостроевца свекра, который, будь его воля, живой тебя рядом с сыном захоронил, лишь бы другим не досталась?

– Буду, – жестко ответила другая, неизвестная ему Лариса. – Потому что я ему нужна. А он нужен нам с дочкой. Кроме того, свекр до сих пор пытается найти тех, кто «заказал» мужа. И я хочу того же. Посмотреть этому подонку в глаза. Муж в земле. Мы третий год как на пепелище. А эта!.. тварь жирует где-то! – она облизнула побелевшие губы. – Вот разыщем, тогда, глядишь, и сама начну отмерзать. Коломнин отвел глаза: еще со времен работы в МВД знал, что заказные убийства или раскрываются тут же, по горячим следам, или не раскрываются вовсе. – Но так нельзя! Ты просто замкнулась в семье и все время бередишь себя. Надо быть на людях. Мы подыщем тебе хорошую работу в Москве!

– Работу? – Лариса грустно повела головой. – Хожу я на работу. У свекра большая компания. Высиживаю главным экономистом. Перебираю чего-то слева направо. Больше чтоб отлечься. Так что радуюсь жизни подле дочурки. Теперь вот – спасибо – тебя буду вспоминать вечерами. – Но почему?! – в отчаянии Коломнин схватил ее за плечи и с силой тряхнул. – Неужели совсем не любишь? Ведь было же!..

– Люблю. Но – я тебя здесь люблю. А что будет там, в другой жизни, когда опять все нахлынет? Только измучу. Слишком всё у нас хорошо, чтоб завтра взять и испортить. Так что оставь мне себя таким. – Тогда я сам к тебе прилечу!

– Нет! – отрубила она. – Ты же не захочешь сделать мне больно. И довольно об этом: помнишь, что завтра я улетаю?

– Так...Господи! Уже?

– У нас осталась одна новогодняя ночь. Хочешь ее испортить?

Всмотрелась в обескураженное лицо:

– И еще условие. Никаких провожаний. Прощаемся утром в номере. Договорились?

Провела печально по мокрым вихрам:

– Да. Только так и надо.

... Разлучаясь, никогда не провожайте любимых. Сделайте все, чтоб уйти первым. Потому что всю тяжесть разлуки принимает на себя остающийся.

После отъезда Ларисы Коломнин, словно очумелый, сутки бессмысленно бродил по Поттайе, бередя себя бесконечными воспоминаниями. Здесь, у этой барной стойки, они сидели с Ларисой, здесь у нее отломился каблук, и он, несмотря на сопротивление, под аплодисменты окружающих нес ее до ближайшего обувного магазинчика. Весь город оказался наполнен Ларисой. И всякое воспоминание было даже не воспоминанием, а горячим, обжигающим прикосновением. И – странно – теперь, когда ее не было рядом, он ощущал не приступы пережитой страсти, а огромную, поглощающую нежность и боль. Оттого что ее никогда уже не будет. Это жуткое, могильное слово «никогда».

На другой день после недельного отсутствия он вернулся на пляж, где в ожидании близкого отъезда бронзовела утомленная отдыхом банковская группа. Катенька Целик с волосами, заплетенными в модные бредды, устремилась к нему с шутливым упреком. Но глянула в пустые отсутствующие глаза и – отступила, поджав губы. И даже позволила подбежавшему Пашеньке утащить себя за руку к океану, откуда то и дело доносился ее интригующий хохоток. Впрочем погруженный в себя Коломнин ничего этого не замечал.

И, взлетая на следующие сутки над беззаботным Таиландом, мечтал об одном, – что возвращение в Москву, к привычным заботам, поможет ему подзабыть женщину, о существовании которой всего десять дней назад он и слыхом не слыхивал. Но за эти десять дней она вклинилась в размеренную его жизнь, разметала ее походя и – исчезла бесследно.

Возвращение на круги своя

Домой Коломнин добрался под вечер следующего дня, не предупреждая домашних. Тихохонько открыл ключом входную дверь – со смешанным чувством радости и опаски. Все было, как всегда: из глубины раздавались монотонные голоса, – по телевизору шел очередной сериал; на кухне позвякивала посуда. Надеясь, что хозяйничает дочка, Коломнин подкрался на цыпочках, заглянул с предвкушающим лицом, – увы, это оказалась жена. Она обернулась на звук. Что-то в ней на долю секунды встрепенулось от неожиданности, но тут же и угасло.

– А, вернулся. Что-то долго, – констатировала она тем тоном, каким жены пеняют задержавшимся в магазине мужьям. – Ну, как отдохнул от семьи?

– Нормально, – так же буднично ответил Коломнин. – Что у вас?

– Живем. Обувь-то сними. Я, между прочим, корячилась – полы мыла. И бритву положи в отдельный стаканчик, – в ванной поставила. А то весь подзеркальник загадили. А вообще – с приездом.

Потянувшись, она неловко чмокнула его в щеку.

– Извини, не обнимаю. Руки в «faigy».

Коломнин понимающе кивнул и вышел одновременно с досадой и облегчением, – если бы жена вдруг заговорила иным, теплым тоном, это бы было для него сейчас большим испытанием.

Впрочем холодность первой встречи искупила следующая: радостные вопли наполнили квартиру, когда заглянул он в гостиную. Дочка просто вспрыгнула сверху, а сын, хоть и пытался казаться по-мужски сдержанным, то и дело терся носом о щеку обнявшего его отца.

Напряжение, в коем пребывал Коломнин в последние дни, отпустило. С трудом сдерживая внезапный приступ умиления, он обнимал детей, обмениваясь бессвязными поспешными репликами.

Особенно растрогала встреча с сыном. В последние годы их отношения, до того близкие и доверительные, основательно разладились. В пятнадцать лет Дмитрий по совету отца попытался поступить в колледж при МГУ. «А что, сын? Учиться так всерьез. Здесь ты по крайней мере получишь такой уровень, что в любое место, хоть и в наш банк, на ура примут», – убеждал Коломнин разгорающегося от отцовской поддержки Дмитрия. Они вместе готовились. Вместе ездили на экзамены. По инязу даже получили пятерку: Димка довольно бойко лопотал по-английски и по-французски. И все-таки одного балла не добрали. Галина немедленно потребовала от мужа выйти через свои каналы на одного из проректоров и обеспечить поступление сына. Коломнин, помрачнев, начал говорить о необходимости вступать в жизнь честно и по парадной лестнице. Жена только поморщилась. И, конечно, оказалась права: многие из родителей, дети которых недобрали даже по два балла, сумели обеспечить их поступление. На Дмитрия случившееся подействовало сокрушительным образом. Во всяком случае, когда Коломнин пытался успокоить его, предложив проявить себя мужчиной и назло всем поступить на будущий год, Димка уже не льнул к нему, а напротив, отчужденно забивался в угол дивана.

Проблему решила мать, устроив сына в какой-то простенький, не требующий усилий колледж, в котором верховодила одна из многочисленных ее приятельниц. А по окончании его обеспечила зачисление Дмитрия на юридический факультет одного из самозванных коммерческих вузов, что бурным чертополохом понарастали на московской земле. На вечернее отделение.

Коломнин, услышав про избранный вуз, попытался поговорить с женой и сыном. «Чего вы хотите? – напрямую, сдерживая негодование, поинтересовался он. – Получить настоя-

щие знания, с которыми перед парнем будет открыта повсюду зеленая улица, или – фиговый листок?». По тому, как тонко переглянулись мать с сыном, он понял, что выбор уже сделан. Учеба протекала нехитро, по одному и тому же стандарту. Полгода Дмитрий был предоставлен самому себе, лишь изредка заглядывая в институт. А в начале каждой сессии мать с сыном направлялись в ВУЗ вдвоем. Она заходила к декану, с которым познакомилась через нужных людей, раскрывала дамскую сумочку, где лежала очередная коломнинская зарплата, черпала из нее ресурс и – на полгода решала проблему. А Дмитрий целыми днями слонялся по квартире или пропадал в компаниях, частенько возвращаясь под легким шафе.

Коломнин страдал, видя, как сын все больше превращается в нахлебника.

– Вдумайся, кого ты собираешься вырастить?! – набрасывался он на жену.

– Старый ты, Коломнин. Забыл уже, каким сам был в его возрасте. Подумаешь, погуляет мальчишка! Понадобится, все усвоит, – с безапелляционностью, от которой у Коломнина сводило скулы, заявила жена. – Тебя тоже не на рыночной экономике учили. Ничего: жизнь заставила и – втянулся. Так что за сына не бойся, – не пропадет.

И что ты думаешь? Опять оказалась права. Полгода назад Дмитрий, стеснясь, подошел к отцу и попросил помочь ему устроиться на работу: «Хочу зарабатывать сам. У нас все пацаны при деле». Коломнин, хоть и с сомнением, но устроил его на стажировку в банковский отдел залогов. Через короткое время сначала начальник отдела Панчеев, а потом и остальные сотрудники при встречах начали расхваливать Дмитрия, наполняя отцовское сердце скрытой гордостью. Теперь по вечерам сын с отцом часто обсуждали общие банковские проблемы, и в юношеской горячности Дмитрия все более проявлялась эрудиция, – результат упорной работы. На его письменном столе появились учебники по банковскому праву, – самолюбивый парень тянулся за теми, с кем оказался рядом.

Вот и сейчас Коломнин видел, как не терпится Димке чем-то с ним поделиться. Так что он даже оттолкнул младшую сестренку, гордо потянувшуюся с дневником. Оказывается, начальник отдела доверил ему самостоятельно подготовить и провести аукцион по продаже залогового оборудования одного из разорившихся должников. Ломающимся баском Дмитрий сообщил, что дважды за это время летал в командировку, «уронил» в цене директора базы, в результате банк получит лишних двадцать тысяч долларов. Коломнин, конечно, не поверил, что двадцатилетний, хоть и кипящий самоуверенностью парнишка мог «переиграть» битого торгаша. Но ограничивался лишь ласковым покачиванием головы, – произошло главное: между ним и сыном восстановилась связь, нарушенная пять лет назад.

На этом разговор прервался. Тем более что о своих претензиях на отца требовательно объявила дочь, поднявшая возню. Еще через десять минут дверь в гостиную распахнулась. Утомившаяся и оттого раздраженная Галина разогнала детей спать.

Вслед за женой Коломнин прошел на кухню.

– Доча что, больна? Мне показалось, головка потная. – Мог бы хоть разок позвонить, поинтересоваться, что дома. Может, и знал бы, что она третий день в школу не ходит. Тридцать семь и пять.

– Лекарства есть?

– А ты в аптеку сходил?

– Как же я мог? Позвонила бы на мобильный, заехал бы.

– Да что толку тебе вообще что-то говорить? Ты ж весь в своих делах. Нас с детьми не станет, наверное, и не заметишь. Ладно, ужинать будешь?

– Поел. С ребятами в аэропорту после приземления посидели.

– Посидели?! – жена опустила на табуретку, демонстративно потянула ноздрями воздух.

– Во дает муженек! – восхитилась она, пристукнув широко расставленные в коленях ноги. – Дома жрать нечего, дочь больная валяется, может, с воспалением легких, я каждый доллар выгадываю...

– Тише, дети услышат.

– А муж куда угодно готов, лишь бы не домой. Уже по аэропортам с друзьями хлещет... Или – с подругами?

– Почему куда угодно и почему хлещет? – Коломнин, в свою очередь, быстро заводился от взвинченного ее тона и – теперь едва сдержался. – Был повод. С возвращением.

– Повод! – обрадовалась жена. – С Ознобихиным небось? Так у этого даже отсутствие повода – повод выпить. Но тот хоть пьет, да деньги серьезные делает. А вот что нам с ребятами пахота твоя вечная дает? Зато весь из себя начальник.

– Положим, дает не так и мало. Квартиру эту мы как раз на мои банковские доходы купили. – Тоже мне доходы! – фыркнула Галина. – Два года корячиться, чтоб скопить на трехкомнатную халupu. – Это халупа?! – Халупа и есть, – Галина с удовольствием нажала на неприятное словцо, словно на карандашный грифель: аж до крошек. – Одно слышу: работа, работа! В МВД ночами сидел. В банк перешел – и опять то же. Работа эта твоя подлючая. Только мы с детьми тебе совсем не нужны.

– Ну, не надо! Передергивать не надо! Детей сюда не приплетай! Что ж ты все в одно корыто?

– И то верно, – горько согласилась жена. – О детях ты все-таки вспоминаешь. А я? Что есть, что нет. Я ж на себя в зеркало лишний раз поглядеть боюсь – морщины. А грудь? Да какая там грудь осталась! И это в неполных сорок.

– Следить за собой надо, – Коломнин словно ненароком скопился на раздвинутые тронутые целлюлитом ляжки.

– Следить?! – жена восхищенно хлопнула в ладоши. – Аэробикой заняться? Или массажем? А может, в “Чародейке” надо по сотне долларов в неделю оставлять, которых у меня нет?

– Ну, пошло. Слушай, давай хоть до утра отложим. Ей-богу, устал чертовски.

– А может, жену надо было побережь? Или полагаешь, что двое родов и три аборта фигуру украшают? А плита? А белье это треклятое?.. Чего на ноги поглядываешь? На еще и на руки погляди, – она вытянула перед собой потрескавшиеся, смазанные на ночь кремом “вареные” ладони. Они подрагивали.

– Галя! – Коломнин, как всегда при подобных сценах, подошел к жене, со смешанным чувством жалости и невольной брезгливости, провел неловко по голове. И она, словно ждала этого, уткнулась в его живот.

– Ну, что я могу? – он гладил ее голову, ненароком обнаруживая новые седые волосы и комья перхоти. – Мне действительно платят столько, сколько платят. Я ж не ворую.

– И взятки не берешь. Я знаю, – отстранившись, жена отерла глаза. – Но – сил нет больше, Сережа. – Хорошо, давай найдем горничную. Правда, это обойдется папаше Дорсету в лишних сто пятьдесят – двести долларов. Придется подождать с новой машиной. Но ради твоего здоровья...

– Да причем тут горничная?!

Коломнин насупился, ожидая какой-нибудь язвительной реплики. Но – продолжения не последовало. Жена, прислонившись к косяку, о чем-то тяжело думала.

– Если б ты только знал, как это мучительно жить, не имея света впереди.

– Я знаю, – вырвалось у Коломнина.

– У тебя что, женщина появилась? – чутко догадалась Галина. – Так лучше скажи честно! Я выдержу. Чем так-то.

– Дуреха ты! – боясь выдать себя, рывкнул Коломнин и по вспыхнувшему лицу увидел: это было именно то, что хотела она услышать.

– Ну что ж, нет так нет. Глядишь, в самом деле и наладится что-то. Дети, похоже, заснули. Может, и мы пойдем, а, Сереж?

В голосе ее появилась внезапная томность. Должно быть, помимо воли Коломнина, проскочила в нем какая-то гадливость, потому что жена ссутулилась и вернулась к привычному тону:

– Ладно, банкир фигов, не пугайся. Не навязываюсь. Будешь ложиться, не забудь чайник выключить.

Она вышла, плотно прикрыв дверь.

Коломнин подошел к окну. Где-то там, в ночи, за московскими многоэтажками, за уральским хребтом, посреди Сибири, обиталась его несбывшаяся Лоричка. Он ткнулся лбом в потное стекло и глухо заскулил.

– А что, парни, как вы думаете, сколько может стоить самый дорогой стакан водки? – заместитель начальника управления экономической безопасности банка «Орбита» пятидесятипятiletний Валентин Лукьянович Лавренцов, прищурившись, оглядел скопившихся сотрудников.

– Ну, если кингстоны совсем перекроет, так можно и тысячу рублей отдать, – начальник отдела по иногородним филиалам Анатолий Седых провел шершавым языком по губам. Представил с тоской, сколько еще терпеть до вечера. – А то и две.

– Салаги вы дешевые, – собственно к этой фразе и подводил первый вопрос Лавренцова. Окружающие предвкушающе затихли, – Лавренцов слыл виртуозом соленого расказа. – А шестьдесят пять тысяч долларов не хотите?

– За стакан?! – обескураженно промычал Седых, почувствовав, что желание похмелиться разом поуменилось.

– А то. Вчера, стало быть, вызывает меня президент банка, – Лавренцов значительно огладил седой ежик на округлой голове. Он мог бы сказать просто – «Дашевский». Но «президент банка» – это придавало дополнительную увесистость дальнейшему. – И попросил помочь Управлению делами воздействовать на одного упряма. Тот как раз в банк на переговоры приехал. Да чего там?! Новый директор конзавода.

– Это на территории которого строится банковский коттеджный поселок? – заинтересовался начальник информационного центра Николай Панкратьев – не улыбочивый с землистым скуластым лицом человек. Дотол он, единственный, не участвовал в общем оживлении, хмуро перекатывая по крышке стола подвернувшийся стеклянный шарик.

– Во-во! Со старым-то у банка все тип-топ было. Дружили. Ему платили, он подписывал.

– И все так чинно-благородно, – добавил перцу Седых.

– Как надо, так и было, – Лавренцов не любил, когда его перебивали. – Только хозяйственники наши лопухие забыли, видите ли, вовремя подписать договор еще на кусок земли вдоль речки. Самый что ни на есть лакомый кусман: хошь корты ставь, хошь какие другие забавы.

– Как же нашим буграм без этого куска-то? – без выражения прокомментировал Панкратьев. – Уж если им что втемяшилось, так просто вынь да положь.

– Наше дело не комментировать, а выполнять, – отсек реплику Лавренцов. – Словом, новый директор вдруг уперся. Меня-де, коллектив. Я-де, весь в интересах людей. В общем со всех сторон махровый демагог, а подступиться, подходы найти – никак!

– И ты подступился, – догадался Панкратьев.

– К чему и рассказ. Но тоже непросто было. Я ему: «Хочешь пятьдесят кусков живыми долларами? Лично тебе». А он в ответ: «Мой интерес – интерес Конзавода. А земля эта самая выпасная». И дальше какую-то туфту несет насчет поголовья. Часа два мы с ним, как нанайские мальчики на ковре. Уж, думаю, может, и впрямь, какой последний идейный попался.

– Нагульников из «Поднятой целины», – бросил кто-то.

– Это точно. Целина там непаханная. Честно скажу, отчаялся. Думал, аут. Только замечаю, глазом косит и чем дальше, тем больше подрагивает. Братцы! Так это ж совсем другое дело. Это-то нам как раз знакомо! А что, говорю, в самом деле, все о делах да о делах! Не выпить ли нам, как мужикам? И достаю бутылец «Смирновской»!

– Заглотил, – завистливо догадался Седых.

– Как на духу! Даже сам не ожидал такого эффекта, – Лавренцов истово перекрестился. – Через десять минут, как стакан принял, расцвел и махом все подписал, – алкаш оказался. И с утра неопохмеленный. Даже про пятьдесят тысяч не вспомнил. Вот она загадка русского мужика. За большие доллары его не возьмешь. А за стакан водки – будьте любезны! Алкоголизм – это такое, доложу вам, оказывается, благо!

Довольный эффектом, Лавренцов крутнулся в кресле, обозревая ошеломленных сотрудников.

– И чего они теперь будут делать без выпасных лугов? – поинтересовался Панкратьев.

– А это не наша печаль! – ответил за Лавренцова Седых. Как и многим другим, вопрос показался ему бестактным. – Тут теперь главное, Лукьяныч, грамотно доложить Дашевскому. Нажать, что пятьдесят тысяч банку сэкономил. Может, десятку выпишет?

– Получишь ты с него, как же! – все с той же желчностью вновь отреагировал Панкратьев.

На этот раз реплику встретили сочувственно, – прижимистость президента банка была, увы, широко известна.

– Внимание! Подъехала «ДЭУ»!.. – сидевший на подоконнике вперёдсмотрящий поднял палец, требуя всеобщего внимания. – Вышел из машины!.. Идет! Нет, с кем-то остановился... Вошел в подъезд!

Он отбежал от окна и встал в конце моментально выстроившегося ряда.

– Приготовились, – Лавренцов прошел поближе к входной двери, непроизвольно огладил ежик. – Все запомнили? Значит, если скажет...

– Помним, помним, – Анатолий Седых в свою очередь вроде бы случайно проверил узел галстука и быстро отер слюной пересохшие губы.

В большом, метров на сорок кабинете, где скопились сейчас сотрудники управления, установилось возбужденное ожидание.

На этаже остановился лифт. Послышался распекающий кого-то на ходу голос. Потянулась дверь.

– Товар-рищи офицеррыыы! – рявкнул, вытягиваясь, Лавренцов. Вошедший Коломнин обнаружил своих «орлов», выстроившихся перед ним в наигранном раже.

Неспешно прошел по рядам.

– М-да, распустились, – скорбно протянул он. – Двое плохо выбриты. От баб, что ли? Один без галстука. В нечищенной обуви. Бутылки, гляжу, пустые в корзине появились. Забурели без присмотра, дети мои.

Он еще не договорил, а обрадованный Лавренцов рубанул в воздухе рукой.

– Прости, батко! – весело грохнуло тридцать плотов. – От баламуты! – Коломнин обескураженно рассмеялся.

Его обступили. Посыпались обычные шуточки по поводу отдыха. Тем более – тайского отдыха.

– Как вам эротический массаж, шеф? – полюбопытствовал Лавренцов, как и Ознобин, большой любитель тайской экзотики. – Расслабились?

– Это вы тут, гляжу, без меня расслабились, – при воспоминании о сеансе массажа Коломнин поежился. – Десятый час. Или дел нет? Все! Митинг по поводу моего возвращения объявляю закрытым. Полковники через пять минут ко мне на планерку. Остальным работать по плану. Вольно. Разойдись.

Назвав руководителей полковниками, Коломнин лишь отчасти отступил от истины: его зам Валентин Лавренцов был генерал-майором милиции в отставке.

Когда три года назад президент банка поручил Коломнину подобрать штат в управление экономической безопасности, он пригласил прежде всего тех, кого хорошо знал по совместной работе в МВД. Тщательно отбирал каждую кандидатуру, как отбирают фрукты в посылку, – чтоб подходили один к другому и, не приведи Господи, не попался бы с гнильцой, – перезаражает все вокруг. А потому умел чувствовать состояние подчиненных.

И сейчас заметил, что в каждом из них за внешним возбуждением проглядывает какая-то общая озабоченность. Что-то в его отсутствие произошло.

Войдя в компактный свой кабинет с единственным столом возле неказистого сейфа и рогатой вешалкой у двери, Коломнин огляделся в поисках перестановок, пытаясь на глазок определить, куда технические службы могли подпустить свежего «жучка». Но впрочем не особенно внимательно: разговоров, о которых категорически не должно быть известно руководству банка, здесь не велось.

– Разреши, Сергей Викторович? – в кабинет ввалились Лавренцов, Седых, Панкратьев и старший группы по борьбе с мошенничествами в сфере пластиковых карт Богаченков. Младший из всех, Юрий Богаченков, хорошо знающий куцую меблировку в кабинете шефа, предусмотрительно прихватил с собой стул.

Следом, стараясь не бросаться в глаза, вошел поджидавший в коридоре Павел Маковей. Не найдя, куда присесть, безропотно прислонился к стене.

– Забираю из филиала, – объявил Коломнин, заметив кидаемые исподволь взгляды. – Будет в подразделении собственный юрист. А теперь выкладывайте, конспираторы, что случилось.

– ЧП у нас, Сергей Викторович! – Лавренцов послунывил бобрик. Отпасовал настороженный взгляд шефа в сторону Панкратьева. – Докладывай сам, Николай. Твое подразделение.

Панкратьев сегодня был заметно мрачнее обычного.

– Ножнин на взятке попался, – буркнул он. – Проверял заемщика и взял в лапу пятьсот долларов.

– Дожили, – приподнятое настроение Коломнина рухнуло разом. – До сих пор других выявляли. А теперь, выходит, и к нам просочилось. Кто его на работу брал?

– Я брал, сам знаешь, – Панкратьев нахмурился. – Рекомендовали как хорошего парня.

– Нет такой категории – хороший парень! – взвился Коломнин. – Есть либо надежный, проверенный человек, либо ... стручок. Этому, если помню, двадцать семь. Вовсе салага.

Двадцатипятилетний Маковей, боясь, чтобы в связи с этим не припомнили про него, быстренько нагнулся перешнуровать обувь.

– Сколько я вас всех учил! В нашу службу надо брать мужиков тертых, лет за тридцать. Чтоб понятие корпоративной чести устоялось! Каким числом уволили?

Панкратьев и Седых требовательно посмотрели на раскрасневшегося Лавренцова. Похоже, роли были распределены заранее.

– Так не уволили пока, тебя ждали. Не все тут однозначно, – Лавренцов намекающе кивнул в сторону стоящего в углу Маковея.

– Давай! Он теперь свой, – разрешил Коломнин.

– Информация-то подкожная. За пределами подразделения пока никто ничего. Он даже не то что взятку. Просто у них выдача кредита зависала из-за отсутствия нашего заключения. Вот и заплатили, чтоб ускорил. А по сути все написал как есть.

– Ты к чему сию адвокатскую речь завел?

– К тому самому. Чего подразделение подставлять? Уволить втихую. И все дела. Сумма-то в самом деле смешная.

– Смешная! – Коломнин оглядел солидарных меж собой руководителей. – И впрямь, гляжу, забурели. Пятьсот долларов – уже и не деньги. Забыли, как в МВД в День чекиста в кассу ломились, чтоб с долгами рассчитаться? Быстро же в вас эта банковская отравка въелась – сор из избы не выносить.

– А к чему выносить-то, Сергей Викторович? – всякий раз, когда надо было говорить что-то несогласованное с Коломниным, пухлые аккуратные щечки Седых начинали алеть. – И так многие только и ждут, чтоб вы на чем оступились.

Это остороженькое «вы» чуть остудило гнев Коломнина. В подразделении требовательного начальника ценили. Мало кто не познакомился с его вспыльчивостью и придиристством. Но давно не обижались. Знали за ним главное качество: в случае удачи Коломнин всегда публично рапортовал: «Мои хлопцы отличились», в случае прокола ограничивался коротким: «Я не сработал». Последняя фраза Седых была неприкрытым намеком на трудные отношения, сложившиеся у дотошного, упертого, как называли за глаза, начальника УЭБ со многими влиятельными в банке фигурами. Одни из них на основании материалов его расследований оказались отодвинуты от лакомых кусков в банковском бизнесе. Другие, более дальновидные, чувствуя на затылке близкое дыхание, пытались упредить удар и спешили с жалобами к президенту банка Дашевскому. Не случайно в последнее время в выступлениях и репликах президента все чаще и чаще проскальзывало недовольство неуживчивым «безопасником». Что людьми, сведущими в кулуарных хитросплетениях, воспринималось как признак близкой опалы.

– А что в самом деле? Ну, взял мужик, – рубанул Лавренцов. – Так ведь не на курорт посылаем, – выгоняем. Сам он тоже готов по собственному. В других подразделениях не чета нашим ЧП. На сотнях тысячах попадают. И – ничего! Все решают втихую. Люди стоят друг за друга. Чего ж нам-то друг дружку топить?

– Не стоят! А покрывают друг друга! – поправил Коломнин. – Хлопцы про то знают?

– Знают, конечно, – неохотно подтвердил Лавренцов.

– То-то и оно. А вы – втихую. Ржавчину занести недолго. Вывести потом – никаких щелочей не хватит. Стало быть, так: тебе, Панкратьев, указание – немедленно провести служебное расследование, собрать все документы и – с докладной мне на стол. На увольнение по статье. Официально подаем в кадры. И пусть все знают – покрывать никого не будем. Или служи честно, или... Чего мнешься?

– Хотел отпроситься на три дня. Приболел я.

– Как плесень разводить, так здоровый! А как собственные промашки исправлять, так – в сторону. Чистеньким всем остаться, гляжу, хочется, – он подозрительно обвел взглядом остальных. – Короче, ступай и выполняй.

– Есть, – Панкратьев без выражения поднялся.

– А болеть не хрен. Не по нам эта мода. В гробу наотдыхаемся.

Панкратьев вздрогнул, странно взглянул на него и вышел.

Установилось тягостное молчание.

– Зря ты его так, – укорил Лавренцов. – Николаю вчера колоскопию делали. Подозрение на онкологию. Нужно обследование проходить.

Коломнин физически ощутил, как запульсировала кровь в висках. С Панкратьевым они были близкими друзьями еще по МВД. В последнее время Панкратьев изредка жаловался на плохой стул и рези в кишечнике. И это всегда было предметом разухабистых шуточек. И вдруг!.. Коломнин раздраженно провел локтем по пыльному столу:

– У нас что, уборщиц нет?! Или некому проследить, чтоб у начальника в кабинете убирались?.. А ты, Валентин, тоже хорош. Предупредить не мог?

– Предупредишь тебя, – огрызнулся Лавренцов. – С места в карьер дрючить принялся.

– Ладно, передай, пусть берет три дня. Но чтоб сразу после возвращения все документы собрать. Продолжаем работу. У пластиковых карт что-то есть? Богаченков принялся подниматься.

– На него опять «телегу» президенту банка накатали, – объявил Лавренцов.

– Что-то нашупал? – догадался Коломнин.

Богаченков коротко кивнул.

Одним из провальных банковских направлений была работа по внедрению пластиковых карт. Бизнес этот начала и держала, не подпуская посторонних, группа татар. Собственно внешне ситуация выглядела благополучной: карточек внедрялось все больше, остатки на счетах росли. Но резко увеличились и случаи мошенничеств. Причем таких, что невозможны без участия сотрудников банка. Потому-то и добился Коломнин создания спецгруппы. Старшим назначил Богаченкова. И не пожалел. В отличие от прочих сотрудников управления, двадцатидевятилетний Богаченков не был ни бывшим милиционером, ни ФСБэшником. Зато оказался классным финансистом, способным разобрать любые завалы. Негромкий, даже робкий в общении, он действовал подобно бульдогу, который, ухватив жертву, уже не размыкал челюстей, а лишь перебирал ими, все ближе подбираясь к глотке.

Судя по участвовавшим, истеричным жалобам руководителей пластикового бизнеса, цель была близка. Но в этом же была опасность и для самого Богаченкова, – его могли в любую минуту подставить.

– Ладно, Юра, иди пока. После переговоров, – определился Коломнин, предложив Маковею занять освобождающееся место. Коротко обсудив с Седых ситуацию в иногородних филиалах, Коломнин поспешил перейти к главному – VIP-клиентам. И прежде всего – Генеральной нефтяной компании. – Что глаза отводишь, Лавренцов? Обороты по счетам увеличили?

– Если увеличить до тридцати миллионов рублей при согласованных оборотах в двести, значит, увеличили...

– Та-ак. А поручительство оформлено наконец?.. Я тебя спрашиваю.

– Нет.

– Что значит, нет?! – терпения Коломнина хватало ненадолго. – Почему нет? Ты с руководством компании встречался?

– Пытался. Трижды дозванивался финансовому директору Четверику. Секретарша не соединяет.

– Да ты!.. Что значит не соединяет? Ты кого представляешь? Банк или контору утильсырья? Надо было добиться! Если с Четвериком договориться не умеешь, прорывайся к самому Гилялову!

– Что ж я, с секретутками воевать должен? Я, между прочим, генерал, – огрызнулся Лавренцов.

– Ты?! Ты давно не генерал, а банковский служащий. И получаешь, тоже между прочим, столько, сколько генералом и во сне не видел. Твоя нынешняя должность – за банковское добро биться. А не амбициями блистать. Лавренцов сидел с бесстрастным, каменевшим лицом, самым обиженным видом своим выказывая категорическое несогласие с услышанным. В прошлом заместитель начальника штаба МВД, Лавренцов, сохранивший

многие из прежних связей, и теперь был небесполезен для банка. Договориться о прекращении уголовного дела против нужного человека, вернуть изъятые водительские права, зарегистрировать оружие, организовать разрешение на охоту в заповеднике, – здесь Лавренцов был незаменим. Но чем чаще выполнял он личные просьбы руководства, тем более пренебрегал своими прямыми обязанностями. Но и не только поэтому: банковское дело было новым для каждого из них. И прежде всего требовало обучения. А вот учиться заново старый генерал то ли не захотел, то ли стеснялся. И любое хоть немного непонятное задание ловко перекладывал на плечи исполнителей. И добро бы в мелочах. В последнее время Лавренцов заваливал и всякое серьезное поручение. – Ладно, теперь сам займусь, – Коломнин сдержался. – Сколько им причитается следующим траншем?

– Еще семь миллионов.

– Хрен они что получают, пока полностью не выполняют договорных условий! Когда кредитный комитет по этому вопросу? – Коломнин схватил ручку и выжидательно навис над календарем. – Помнится, на следующей неделе?

Молчание Лавренцова ему не понравилось:

– Не понял?

– Был уже кредитный. Три дня назад, – пробормотал Лавренцов.

– То есть?!

– Ознобихин вынес досрочно.

– Что?! – Коломнин поперхнулся. – Приняли решение – выдать.

– Как?

– Да так! – в свою очередь вскрикнул Лавренцов, пытаясь тем предупредить вспышку ярости. – А что я мог? На кредитный явился Ознобихин, притащил с собою Четверика. Сослался на поддержку президента банка. Четверик полчаса о глобальных нефтяных проектах витийствовал. В общем заморочили всем головы и – утвердили.

Теперь Коломнин догадался об истинной причине поспешного отъезда Ознобихина: понял тот, что при Коломнине очередной транш ему не пробить. Как он тогда сказал? Банк – это немножко игра? Вот и переиграл.

– Что значит «утвердили»? А где ты был?!

– Я голосовал против, – гордо объявил Лавренцов.

– Да ты не против голосовать должен, ты других за руки хватать обязан! Вы все обязаны в колокола бить, если угроза банку! Он требовательно оглядел сидящих напротив. Но те отводили глаза – портить отношения с людьми, гораздо более влиятельными, никому не хотелось. Ложиться на амбразуру – это была его, Коломнинская, функция! Добровольно им на себя взваленная.

– Пойми, Сергей, здесь все за тебя, – почувствовал молчаливую поддержку Лавренцов. – Но мы не можем стоять против целого банка. Сколько раз на этом обжигались. В конце концов, если президент поддерживает Ознобихина в его прожектах и выдергивает из баланса за здорово живешь десятки миллионов, так нам-то чего? Это его деньги. Пусть у него голова и болит.

– Удобненько, гляжу, устроились, – Коломнин заметил, с каким вниманием впитывает этот разговор Маковей, и, может, еще и поэтому не хотел, чтоб последнее слово осталось не за ним. – Что значит его деньги? Я должен вам напоминать, сколько в банке привлеченных средств? Сколько на частных вкладах?! Десятки тысяч людей, тысячи предприятий принесли сюда свои средства. Вот что мы охраняем!

Дверь отворилась, и в нее протиснулась крупная, с обвисшими розовыми щеками голова начальника отдела залогов Анатолия Панчеева. Влажные рыбы губы несколько раз жадно вдохнули воздух: подъем на третий этаж толстяку Панчееву дался с трудом.

– Едва вышел, и сразу крик на весь коридор? – укорил он.

– Заходи, заходи! Мы как раз закончили, – пригласил Коломнин. Приход Панчеева оказался кстати еще и потому, что горячность последней его фразы была притворной: в словах Лавренцова была хоть и неприятная, но правда.

– Да, кстати, – задержал поднявшихся сотрудников Коломнин. – Примерно два года назад в Москве был убит такой предприниматель – Шараев. Никто, случаем, не помнит?.. Вот и я что-то не припомню. В общем, Валентин, подними архивы, свяжись с МВД – все, что есть... Панчеев пропустил выходящих мимо себя, и только затем протиснулся в кабинет: разминуться с кем-то в дверях он был физически не в состоянии. В последние годы сорокапятилетний Панчеев стремительно разбухал. Многочисленные посредники, с которыми начальнику отдела залогов приходилось иметь дело, узнав о его должности, прятали насмешливые глаза: причина чрезмерной пухлости казалась им очевидной. На самом деле Панчеев, бывший начальник контрольно-ревизионного управления Мосторга, человек, безупречно честный, страдал от нарушенного обмена веществ, с которым безуспешно пытался бороться. – Рад видеть. Чай? Кофе? – Коломнин сделал радушный жест: общение с доброжелательным Панчеевым доставляло удовольствие.

Панчеев с привычной осторожностью опустил на стул, поерзал, продолжая отдуваться и отирая обильно выступающий пот огромным в крупную клетку платком.

– Ну, как там мой? – поинтересовался Коломнин, непроизвольно расслабляя лицо в ожидании привычной похвалы в адрес сына.

Но хвалить Панчеев на этот раз не спешил. Напротив, извлек вновь из кармана влажный платок и заново прикрыл им лицо.

– Что-то стряслось? – догадался Коломнин.

– Да нет в общем-то. С чего взял? – Панчеев притворно пожал плечом. – Нормально работает.

– Да, знаю. Ты ему даже доверил самостоятельно провести аукцион. Не поспешил ли? Все-таки ответственность. – Да он там не один. С ним в паре Рыбченко. Вышибу я этого Рыбченко! – неожиданно в сердцах пообещал Панчеев. И тем прокололся.

– Говори, что случилось, – потребовал Коломнин. Кажется, сегодня был день сюрпризов.

– Да пока ничего, – Панчеев еще раз что-то прикинул. – Я собственно с этим и зашел. Только давай без нервов. Договорились?

– Говори!

– У меня сегодня мужик этот был. Директор базы, через которого мы торги проводим.

– И что?

– Приехал уточнить детали. Ну, и... Понимаешь, он был уверен, что без меня-то ничего не делается!

– Ты будешь говорить, наконец?!

– Он им, оказывается, пятнадцать тысяч долларов за аукцион этот пообещал отстегнуть.

Коломнин, шуровавший у чайного столика, неловко сбил локтем чашку и, не обратив внимания на осколки, ошалело опустил на ближайший стул.

– То есть ты хочешь сказать, что мой Димка договорился об «откате»?.. А может, это все Рыбченко? А Димкой прикрылся. Вроде как на двоих?.. Или нет?

Он уже заметил отрицательный кивок Панчеева.

– Я специально расспросил: оба присутствовали. Даже вместе выторговали: чтоб по семь с половиной на брата.

– Вот ведь как... – обескураженно протянул Коломнин. – Матушкино влияние. Пробивается все-таки. Я-то думал, человеком становится. А он вот, значит, куда? Хлебное место нащупал! Где он?! – Коломнин вскочил.

Но еще раньше с неожиданной резвостью поднялся, перегородив собой выход, Панчеев.

– Не пушу, пока не остынешь! Не зря, видно, сомневался, говорить ли.

– Еще и сомневался?!

– Похоже, не следовало. Тут взвешенно бы надо.

– Ну-ну. Взвешивай. А я послушаю, – Коломнин отступил, и сам сообразив, что банковские помещения с десятком любопытных ушей не место для семейных сцен.

– Вот и послушай, – к Панчееву вернулась прежняя успокаивающая рассудительность. – И я сам себя послушаю. Потому что что-то все больше путаюсь. Оно, конечно, внешне выглядит неблагообразно. Но – покупателя этого и впрямь твой Димка нашел. И цена неплохая.

– Двести тысяч-то? Там долг на полмиллиона завис.

– А это не к нам вопрос. А к тем, кто залог этот на такую сумму оформил. Вот бы с кого спросить. Лучшей цены за такое барахло все равно не найти. И если сейчас не продадим за двести, завтра и за сто никому не впиндюрим. Так что для банка, выходит, прямая выгода.

– К чему ты все это?! Вы и работаете, чтоб банку выгоду приносить. За то и премии идут.

– Уж насчет премий-то! – Панчеев даже нижнюю губу оттопырил, как человек, услышавший бестактность. – Что там у нас по положению? Один процент от возврата? Это тысячи полторы долларов на двоих. Да и то, если Дашевский сообразит подписать.

Коломнин смолчал: выбить из прижимистого президента банка обещанные премии за возврат долга и впрямь было непростой задачей. Во всяком случае для самого Коломнина напористость в хлопотах не раз и не два оборачивалась взысканиями.

– То-то, – оценил его молчание Панчеев. – А тут – пятнадцать. И при этом банку никакого ущерба.

– Так не бывает!

– Ну, почти никакого! – подправился Панчеев. – Выгода все равно больше. А они, ребята наши: что мои, что твои, – ведь знают: тот же стервец – кредитник, деньги эти под липовое обеспечение выдавший, за это время от одних процентов получил тысяч десять. И как я после этого Димке твоему должен объяснить, в чем здесь социальная справедливость.

– Не знаешь?!

– Не знаю, – просто ответил Панчеев. – Вообще понимаю меньше, чем когда сюда пришел. Ты помнишь, Дашевский поручил мне как-то на правлении подобрать фирмы, торгующие банковским оборудованием, и предложить их управлению делами вместо старых, зажавшихся? Я просмотрел спецификации и – подобрал: и по качеству, и по цене раза в полтора выгоднее. Направил их к Управделами.

– И что? – вопрос собственно был риторическим.

– То самое. Они после этого еще дважды в цене падали, – так хотели за банк зацепиться. А только я недавно перепроверил, – кто раньше впаривалил, те и впаривают. Наоборот, цену задрали.

– Хочешь сказать, что управделами «наваривает» на банке?

– Без сомнения. Я, кстати, не поленился обсчитать, сколько банк на этом потерял. Цифру с шестью нулями не хочешь?

– Так что ж не доложил?!

– Зачем? И кому? Если президент в курсе, то чего ломиться в открытую дверь? – А если не в курсе?

– Тогда какой он президент? Не мои это игры. Может, управделами за закрытой дверью с самим Дашевским и делится? Ему ж тоже «откатный» нал поди нужен.

– Осторожненьким, гляжу, стал.

– Битым. А стало быть, мудрым. Мне вот через пару месяцев здание на Шлюзовой продавать придется. Объявил конкурс среди риэлторских фирм. Крутятся они сейчас вокруг меня, как шмели. Так вот одна уже предложила: годовалый «Мерс» по себестоимости. Это при том, что я до сих пор на «восьмерке» битой езжу. А по предложенным условиям они, между прочим, банку так и так выгодней остальных.

– Послал подальше?

– Прежде бы послал. А сейчас не знаю. Понимаешь, расплылась эта грань. Потому и Димке твоему сказать нечего. Может, в самом деле, пусть возьмет? Хоть заработает чуток. Парень давно о подержанной иномарке мечтает.

Коломнин сокрушенно мотнул головой: «И ты, Брут!».

– Грань эта в нас, – заявил он. – И пока она есть, будет она и в тех, кто рядом с нами. Я так понимаю, Толя, кто-то эту планку должен держать. А все остальное – пыльца, чтоб глаза запорошить. Мы-то с тобой знаем: сегодня взял вроде без убытка для дела. Завтра возьмет на любых условиях. Здесь только переступи.

Он прислушался к молчанию Панчеева. Отчужденное было это молчание.

– Короче! Дмитрия от аукциона этого немедленно отстраняй. Хочешь, сошлись на меня. Но если не отстранишь, имей в виду – сам подниму скандал. Не посчитаюсь!..

– Гляди! Ты – отец! – Панчеев поднял себя на руках, потянулся затекшим телом. Хотел что-то добавить. Но – мотнул только головой так, что тряхнулись щеки, и вышел.

Коломнин проводил его взглядом, отупело помотал головой. Димка, Димка! Вроде весь на глазах. Ведь непритворно же радовался новому делу. Учился вздохнуть. Кажется, только на одном языке заговорили! Да и сам, телок, гоголем эдаким по банку ходил. Как же: сын, наследник. И вдруг – как из-за угла под колени. И главное – когда он это выносил?! Ведь не с этим же в банк шел! Или – здесь подцепил, как холеру?

Да, тягостным получилось возвращение.

Тряхнув головой, Коломнин потер виски и попробовал созвониться с Четвериком.

– Вячеслав Вячеславович до конца дня в мэрии, – после паузы сухо отреагировала вышколенная секретарша.

Решительно набрал номер мобильного телефона Ознобихина.

– На проволоке, – послышался вальяжный голос.

– Здравствуй, Николай. Это Сергей Коломнин.

– О, тайский половой разбойник! – возликовал Ознобихин. – С возвращением. Где увидимся?

– Может, в кабинете Дашевского. Выходит, в Тайланде не догулял, чтоб очередной транш Гилялову пробить?

– А что было делать? – не стал отпираться Ознобихин. – С тобой, упертым, воевать, как бы себе дороже. А дело надо делать.

– Какое, к черту?!.. – Коломнин перевел дыхание. – Пятьдесят миллионов без надежного обеспечения. А если они рассыпятся? Представляешь, как банк тряханет!

– Кто не рискует, тот шампанского не пьет. Да и риск больше в твоей больной голове. Не обижайся, но уж больно ты бдительностью замучен.

– Тогда и ты не обижайся, но я добьюсь встречи с Дашевским и выложу все, что об этом думаю.

– Жаль, что мы говорим на разных языках, – голос Ознобихина и впрямь выглядел огорченным. – Но – твое, как говорится, авторское право. Будь!

Он отсоединился.

Коломнину не пришлось просить об аудиенции. Через пятнадцать минут раздался звонок, – из приемной президента банка. Дашевский срочно требовал вышедшего из отпуска начальника УЭБ к себе.

Но прежде, чем Коломнин сел в машину, его перехватил Лавренцов, молча вручивший короткую справку: какой-либо информацией об убийстве в Москве бизнесмена Шарова правоохранные органы не обладали.

Банк «Орбита», подступавший к своему десятилетнему юбилею, за прошедшие годы проводил интенсивную и достаточно беспорядочную скупку зданий: то здесь подворачивалось ухватить по дешевой цене, то там что-то надо было делать с помещениями разорившегося должника. В результате банковские службы оказались разбросаны по всей Москве. И почти всякое совещание в центральном офисе задерживалось, потому что кто-то из основных участников безнадежно буксовал в «пробке».

Впрочем, центральный офис – это сказано чересчур громко. Помещения, в которых расположился аппарат президента, находились в панельном девятиэтажном здании, в котором банк арендовал пять этажей у НИИ «Нефтехимпродукт».

Здание это было не то чтобы неказистое. До девяносто пятого года оно смотрелось даже и неплохо, хотя и тогда уже в центре Москвы вырастали тонированные золоченые громады банков-конкурентов.

И все-таки было это убежище, скажем так, не хуже прочих. Пока по соседству не вырыли огромный котлован, и стремительными, невиданными для России темпами начал подниматься поблизости роскошный пирамидальный комплекс, все более отгораживая запыленные банковские окна от солнечных лучей.

Не прошло и двух лет, как «островок коммунизма» увенчался могучей, издалека обзреваемой шапкой – «Газпром». И его сотрудники на вопрос прохожих, где здесь находится банк «Орбита», любили задумчиво припомнить: «Ах да! Это, кажется, та самая лачуга, что у нас во дворе затерялась».

И тем не менее президент «Орбита» Лев Борисович Дашевский упрямо продолжал держаться за старое помещение. Так спортсмен из суеверия не меняет стоптанные кроссовки, принесшие первые рекорды. А Лев Борисович – и про то знали – был суеверен.

Лишь через час «ДЭУ-Нэксия» проехала под шлагбаум. Коломнин выскочил и, поскольку оба лифта оказались заняты, взбежал на третий этаж.

– Заходите быстренько. Дважды спрашивал, – коротко бросила секретарша Дашевского, тем самым определив безмерную степень вины опоздавшего. И, сжалившись, тихонько добавила. – Похоже, опередили вас.

Коломнин через двойную дверь вошел в длинный, обитый дубом кабинет президента банка. Вошел и воочию убедился, что опоздал. Здесь, оказывается, вовсю шло совещание.

У боковой стены с указкой в руках, среди прикрепленных схем, стоял не кто иной, как Вячеслав Вячеславович Четверик. Подле него, положив колено на колено, пристроился Николай Ознобихин.

Сам президент банка – худощавый пятидесятилетний человек с редющей курчавостью на заостренной голове – раскачивался в своем кресле. Подвижное большеносое лицо его было наполнено вниманием.

На звук открывающейся двери обернулись все трое.

– Хо! Кого я вижу! – громко, опережая желчную фразу Коломнина, обрадовался Ознобихин.

– Опять переиграл? – огрызнулся тот. – Смотри, Коля. Не заиграйся!

– А со мной что ж не здороваетесь? – притворно расстроился, делая к нему шаг и протягивая ладонь, Четверик.

– Так вас как будто нет. Вы, насколько помню, сейчас в мэрии.

Четверик незлобливо рассмеялся:

– Хороший ты мужик, Сергей Викторович. Но, извини за прямоту, – без полета. Все рассчитать хочешь от сих до сих. Под всякое движение соломки подложить. А в большом бизнесе арифметикой иногда пренебречь надо. Тут без стратегического предвидения не про-
рвешься.

– Насчет стратегического полета – это не к нему, – иронически бросил Дашевский.

– Позвольте доложить! Вышел из отпуска, – Коломнин остановился перед объемистым столом.

– Вышел и вышел. Давай без этих своих ментовских официозов, – оборвал президент. На самом деле он любил подобные, в военном духе доклады и представления. Но в присутствии руководителя дружественной компании посчитал, как видно, необходимым продемонстрировать собственную демократичность и легкость в общении. – Присоединяйся.

Четверик, дождавшись подтверждающего кивка с его стороны, вновь поднял указку.

– Мы говорим о перспективах роста Генеральной нефтяной компании, – пояснил он.

– Как не догадаться, – все эти схемы и графики в бесчисленном количестве многожды наблюдал Коломнин в длиннющем, будто пенал, кабинете самого Четверика. Реплика Коломнина получилась чрезмерно желчной. Дашевский поморщился как от бестактности и сделал успокаивающий жест докладчику продолжать.

– Итак, суммирую. На кредитные деньги нашего основного партнера, – кивок в сторону Дашевского, – мы проводим реорганизацию завода. К сожалению, на заводе до сих пор сильное противодействие. И хотя на сегодня мы имеем большинство в Совете директоров, но в стратегических целях входить в открытое противодействие пока не готовы. Почему до сих пор и не представили то поручительство, о котором так печется Сергей Викторович, – Четверик поклонился в сторону Коломнина, как бы продолжая последний разговор. – В связи с этим вынуждены просить у банка еще две недели отсрочки. К тому времени мы продадим решение без какого – либо сопротивления. А главное, без ненужной огласки.

Он дождался кивка Дашевского. Хоть и вялого, но подтверждающего.

– Теперь далее. Два дня назад мэр подписал письмо о выделении компании двухсот миллионов долларов под проект «Кольцо».

Четверик передвинулся к следующей схеме.

– Идею вынашивали давно. Вдоль внешнего кольца вокруг Москвы проходит бензопровод. Наша задача – отстроить систему наливных терминалов, на которых будет осуществляться заправка всех бензовозов. А поскольку кольцо переходит в наши руки, то таким образом мы фактически монополизировали весь московский рынок моторного топлива.

– Продавать будете оптом? – поинтересовался Дашевский.

– Не только. Москва передает нам на баланс порядка девяноста автозаправочных станций. Так что со временем и розницу закроем.

Президент вопросительно скосился на скептическое лицо Коломнина. Ознобихину это не понравилось.

– Про то, что АЗС передают, ты ведь знаешь. Решение-то я тебе показывал, – потребовал он подтвердить от начальника экономической безопасности.

– Это да, – не стал отпираться Коломнин. И поскольку, к кому бы ни обращались присутствующие, на самом деле убеждали они президента, Коломнин к Дашевскому и повернулся. – Только экономика здесь не проходит. Мои хлопцы просчитывали. Колонки эти устаревшие. Даже просто, чтобы запустить их, потребуются дополнительные приличные вложения. А компания, напоминая, и так по корму перегружена заемными средствами.

– Вот я и говорю: трудно убеждать, когда говоришь на разных языках, – Четверик позволил себе легкое раздражение. – Конечно, если банк, которого и мы, и мэр видим главным

своим партнером, настолько не доверяет, мы можем поднапрячься, перекредитоваться в другом месте и вернуть вам полученные средства. Банк Москвы давно Гилялова обхаживает. Но...

Он заметил, что переборщил: нетерпимый к любому давлению, тем более – на грани шантажа – Дашевский нахмурился.

– А ведь Вячеслав Вячеславович не сказал еще о главном, – пришел ему на помощь Ознобихин. Он перехватил указку, подошел к одной из схем и, демонстрируя перед президентом полное знание деталей, уверенно ткнул в середину ее. – Правда, эта информация, что называется, подкожная, чрезвычайно конфиденциальная. Но, я думаю, здесь можно? То, о чем говорил Вячеслав Вячеславович, – это лишь два создаваемых блока: производство, которое, после того как компания возьмет над заводом полный контроль, будет выполнять роль обычного самовара. И – блок «ритэйл». То есть – распределение нефтепродуктов. Но... – Ознобихин сделал внушительную, вкусную паузу. – У компании – и мы это понимаем – изначальная ущербность: отсутствие собственного ресурса. Сегодня завод загружается «Лукойлом», «Татнефтью» и прочими. Вот потому-то втайне от конкурентов создается третий, ключевой блок – «абстрим». Уже сейчас ведется интенсивный поиск перспективных месторождений: в Астраханской пойме, в Сибири. И когда у компании – ключевого игрока на московском бензиновом рынке – появится собственная нефть, то и «Лукойл», и «Сибнефть» поежятся. А что такая финансовая подпитка значит для мэра, то не вам, Лев Борисович, рассказывать. Выборы-то очередные не за горами.

– Лужок нас чуть не каждую неделю дрючит за медлительность, – поплакался Четверик. – Доложили, теперь сами не рады.

– И представьте, Лев Борисович, – воодушевленно подхватил Ознобихин. – Что все эти финансовые потоки замыкаются на наш банк. Я тут подготовил прогнозную справку по доходности...

– Кстати, насчет потоков, – голос Коломнина влился, как деготь в янтарный мед. – Что-то вы нас не больно ими балуете. Когда начинали кредитование, договаривались о двухстах миллионах оборотов на наших счетах. А по последней справке моих хлопцев и тридцати не наберется. Или это тоже – стратегический маневр?

– Обороты потихоньку переводим. Не так быстро, как хотелось бы. К концу этой недели переведем еще пятнашку. Я уже подписал. Не это сейчас главное, – Четверик отмахнулся от назойливого начальника УЭБ. – Мы хотим, чтоб банк не просто обслуживал счета и проекты. Нам нужен мощный партнер. Подумайте, Лев Борисович, почему бы вам не купить блокирующий пакет акций компании. С Лужковым в принципе такой разговор состоялся. А Гилялов, тот вообще спит и видит с вами породниться. Представляете: наш ресурс и ваша финансовая мощь...

– Но это пока разговор на перспективу, – рассудительно перебил Ознобихин, заметивший усилившуюся от такого напора настороженность президента. – Тут надо двигаться поэтапно.

– Что ж. Так и будем двигаться, – Дашевский поднялся, подняв тем и остальных.

– Это?.. – Четверик показал на развешенные схемы.

– Оставьте. Поизучаю. А насчет остального: готовьте предложения и – через Николая Витальевича. Начнем прорабатывать. Процесс сращивания – дело не одного дня.

Он пожал руки обоим, сделав одновременно жест Коломнину остаться.

– Пока, ретроград, – обеспокоенный Ознобихин, как бы прощаясь, снисходительно потрепал плечо начальника УЭБ. – Твоя б воля, всех крупных клиентов разогнал.

И, почтительно поклонившись тонко прищурившемуся президенту банка, вышел вслед за Четвериком.

– Лев Борисович! Должен все-таки сказать... – Коломнин начал подниматься. Но Дашевский жестом осадил его на место.

– Не хуже тебя все вижу, – в своей стремительной манере перебил он. – Только правда здесь не твоя, а Ознобихина: без риска на новые рубежи не прорваться.

Переполненный происшедшим разговором, Дашевский заходил по кабинету.

– В главном они с Четвериком правы. Засиделись мы, увы! Создавали чисто банковский бизнес. В приватизации не поучаствовали. Потому холдинга толком до сих пор не имеем. За счет этого всем проигрывали: Березовскому, Потанину, даже Виноградову. А здесь в самом деле шанс: компания-то задумана как большой мэрский кошелек. Да что кошелек? Кошелек – это «Система». Здесь – бумажник! Тут не только деньги. Тут ворота в такую политику, к какой прежде подступиться не могли. Это шанс разом через черт знает сколько ступенек прыгнуть. Шанс, которым не бросаются! – брусничные глаза Льва Борисовича излучали азарт и нетерпение.

– А если все-таки не срастется? – упрямец Коломнин физически ощутил неудовольствие президента. Но решил закончить. – А что если завтра планы мэрии изменятся? Или Гилялов решит переметнуться? Это ж в нефтяном мире известный кидала. Еще замминистра будучи всех накалывал. И с чем мы останемся? Худо-бедно сорок миллионов выдали. Еще десятка на подходе. А даже поручительства завода до сих пор нет.

– Вот и обеспечь! – недовольно потребовал Дашевский.

– Трудно добиться, если они чуть что за вашу спину прячутся.

– Так не позволяй!

Коломнин поднял глаза: Дашевский, хоть и улыбался, но не шутил.

– Каждый из нас, Сергей, должен делать свое дело, – отчеканил он. – Мое – это стратегия. А ты делай то, за что деньги получаешь: жми на них, сволочей.

– Так если!..

– И ничего! Дальше жми. Я тебя обматерю, если переберешь лишку. А ты опять пресингуй. Накажу и – престоного! А ты – знай, свое. Работа твоя такая.

– Стало быть, поручительство выбиваю?

– И счета переводить требуй. И поручительство. Недельку только дай очухаться, раз уж я обещал. А если не сумеешь, вот тогда всерьез спрошу. Что ухмыляешься? – Завидую Ознобихину. Кредиты выбивает он. А ответственности за возврат никакой.

– Правду говорят, что узковато стал мыслить, – с удовольствием уличил Дашевский. – Со всеми перессорить меня хочешь? Дело таких, как Ознобихин, самое что ни на есть важное, – деньги в банк приносить. И потому во всяких конфликтах я изначально его сторону держать буду. Коломнину было, конечно, что ответить. Но некому. Насупившийся, переполненный эмоциями Дашевский не был расположен выслушивать какие бы то ни было оправдания. Коломнин поднялся:

– Разрешите идти?

– Куда это ты собрался? – подивился президент. – Я еще и к разговору не приступил. Думаешь, на ГНК свет клином сошелся? Вот сейчас, к примеру, в Томильске «подснежник» обнаружен. Поступила чрезвычайно тревожная информация по должнику нашему – компании «Нафта-М». Выпозло на просрочку пять миллионов. А сама «Нафта» по слухам сыпется. Я бы от тебя это узнавать должен. А ты, гляжу, опять не при делах. – Как раз сегодня доложили.

– А должны были не сегодня, а неделю назад! – он прервался, слегка смутившись: припомнил, видно, где был Коломнин за неделю до того. – Стало быть, такая фамилия – Фархадов – тебе знакома?

– Немного.

– То-то что немного! А обязан досканально знать. Один из открывателей нефти в Сибири. Лауреат Государственной премии, Герой Соцтруда и прочая дребедень. Но к тому моменту, как рынок этот «рубить» меж собой в девяностых принялись, прежнее влияние потерял. Однако обидеть «деда» не захотели. Он для нефтяных генералов что-то вроде патриарха. И за прежние заслуги передали ему в районе Томильска уютненькое месторожденье, – на хлеб, так сказать, с маслом. Говорят, по личному требованию Вяхирева и Гилялова. Оба как бы его ученики. Поначалу неплохо взялись. Инфраструктуру обустроили. Наш томильский филиал активно их кредитовал. Рассчитывали через Фархадова этого с Вяхиревым «завязаться». Но не получилось. Амбиций у старика с избытком, а вот влияние прежнее – тью-тью. А теперь у них какие-то, сигнализируют, сбои. И – пресерьезные. Задержки платежей, растущая задолженность перед поставщиками. Да и дед постарел. Семьдесят четыре стучает. А кредитных наших денежек там уже больше пяти миллионов зависло. Через два месяца срок возврата. – Уже дал команду Седых срочно вылетать и на месте разобраться в причинах.

– Какой там Седых? – вскинулся Дашевский. – Набрал шантрапы из ментов. Кроме тебя самого, баланс толком прочитать не умеют.

– Почему? Богаченков, к примеру, – превосходный экономист. – Богаченков?! Кстати припомнил. Кто это такой?

– Старший группы по пластиковым...

– Да знаю! Кто такой, спрашиваю, что позволяет себе банковский бизнес ломать? Вот новая докладная на него.

– В подразделении нет учета, а значит, и контроля за доходами. Богаченков пытается его восстановить. Отсюда и жалобы.

– Учета! Рассуждаешь тут, как...бухгалтер. Тебе известно, какую прибыль приносят они банку?

– Это-то всем известно. А вот сколько банк недополучает...

– Неделю – Богаченкова заменить! В кадры команду я уже дал. Не умеет ладить с людьми – плохой, стало быть, менеджер. Да и тебе бы самому призадуматься не мешало! Ведь конфликт за конфликтом. Едва с одним помирю, тут же с другим сцепишься. Я тебя в главном, конечно, подпираю. То, что банку предан, знаю и ценю. Но разводить подозрительность не позволю. Короче! – Дашевский заметил протестующий жест Коломнина. – Дискуссию прекращаю. Сам вылетай в Томильск. С собой можешь брать кого хочешь. Надо неделю – сиди неделю. Две – так две. Задача – оглядись на месте: может, пока не поздно арестовать все к чертовой матери, да и распродать? Заслуги заслугами, а денежки кровные возвращать надо.

В предбаннике навстречу Коломнину поднялся поджидавший его в сторонке Богаченков.

– А, Юра! – невольно смешался Коломнин. Богаченков держал полиэтиленовую папочку с вложенным внутрь единственным листом. И нетрудно было догадаться, что это такое, – заявление об увольнении: похоже, какой-то рьяный кадровик уже довел до парня решение президента банка. – Давай-ка присядем. Судя по страстям, много на стервцов этих накопал?

Богаченков кивнул.

– Ну, так и составь докладную записку. Я попробую начальника банковского аудита уломать туда влезть. Любое дело надо доводить до конца. Чтоб не зря. А сам ты... Знаешь? Кого из нас жизнь хрюслом об стол не била? Если б всё и всегда по справедливости делалось, так и наша служба была бы не нужна. Понимаешь?

Богаченков бесстрастно промолчал, явно выжидая паузу, чтоб передать на подпись заявление. Коломнин взгляделся в надежнейшего, откровенно симпатичного ему парня, из всех сил пытавшегося не выказать бушевавшую в нем обиду. Еще бы не обидеться! Поступали с ним несправедливо. Причем, что особенно досадно, – походя несправедливо. Не вникая, не разбираясь. Исключительно по признаку целесообразности: выгода от пластикового бизнеса виделась Дашевскому несоизмеримой с той пользой, которую мог бы принести безвестный безопасник.

Складка на губах Богаченкова Коломнину категорически не нравилась. Он знал эту складку. Богаченков – низкорослый, тщедушный, с жидкими пегими волосами – был из редкой категории людей, поразительно неконфликтных, можно сказать, покладистых. Но не дай Бог было добраться до того, что скрывалось под первым, мягким, даже рыхлым пластом. Причем происходило это всегда внезапно и непредсказуемо. Богаченков взрывался разом: словно упрятанная в земле мина.

За два месяца до того он приобрел подержанную «девятку» – первую свою машину, о которой в тайне мечтал. Едва ли не на второй день счастливый обладатель подъехал заправиться на АЗС. Утренняя бензозаправка пустовала. Лишь на парапете меж колонками сидели двое кавказцев с пивом. При виде подъехавшей «девятки» оба нехорошо оживились. И как только Богаченков вышел из-за руля, почувствовал сзади лезвие, впившееся в шею.

– Все дэлаем спокойно. И будешь жить. Садысь назад за руль.

Аргумент был более чем серьезен. Богаченков послушно опустил на сидение. На месте пассажира уже обосновался второй грабитель, вертлявый и низкорослый. С победительной ухмылкой принялся рассматривать он побледневшего водителя. Его приятель с ножом, приставленным к аорте, устроился сзади.

Он-то и подавал команды, сопровождая их для убедительности легкими покалываниями.

– Значит, так. Давай техпаспорт.

Богаченков безропотно вынул и передал соседу техпаспорт.

– Давай ключи.

Глумливый маленький кавказец, требовательно перевернувший ладонь, нравился Юре все меньше и меньше. Но как разумный человек он понимал, что потерять машину, хоть и дорого, но дешевле, чем жизнь. Богаченков положил ему на ладонь ключи.

– Тэперь встаем и выходим. Он садится за руль. Мы с тобой отходим на десять шагов вперед. Он подъезжает. Я сажусь. Мы уезжаем. Ты остаешься. Живой. Тебе удача. Дернешься – зарэжу, как барана! Понял?

– Чего не понять? – Богаченков приоткрыл дверцу, собираясь выбраться.

Но сидящий рядом, вероятно, вдохновленный безропотностью жертвы, озарился новой мыслью. Он придержал Богаченкова за плечо.

– Куда пошел, шкет? Сначала выверни карманы!

И тут совершенно внезапно, в том числе и для себя, Богаченков, у которого, если честно, денег-то при себе было едва на пятнадцать литров бензина, остервенел:

– Ах ты, паскуда! Машину отбираете. Так тебе еще и по карманам пошарить не заподло! Крохобор!

Он с ходу влепил кулаком в побелевшие от внезапного испуга губы. Что-то принялся угрожающе выкрикивать задний. Богаченков чувствовал боль от входящего в шею острия. Но теперь это все для него стало как-то неважно. Ухватив соседа за шиворот, он продолжал наносить ему беспорядочные удары, яростно что-то выкрикивая. Послышался звук тормозов – перед бензоколонкой остановились сразу две машины.

– Пошли, слушай, жлобина! – выкрикнул «задний» кавказец. Но перед тем, как выскочить, с чувством врезал собственному подельнику кулаком по затылку. Оно и понятно: за эксцесс исполнителя надо платить.

Бросив на «торпеду» ключи и техпаспорт, вывернулся и выскочил побитый соучастник.

Распаленный Богаченков рванул было следом. Но, едва отбежав от машины, почувствовал слабость. А когда прикоснулся рукой к шее, увидел, что ладонь наполнилась кровью.

В Первой градской больнице, куда он доехал сам, врач, зашивая колотую рану на шее, сообщил между делом, что до *аорты* не хватило какого-то миллиметра.

Таков был этот негромкий, очень основательный человек. Который, если говорил «да», то это было «да» до конца. К тому же Богаченков, помимо прочего, был превосходным финансистом, виртуозом замысловатых комбинаций. И терять его Коломнину вовсе не хотелось. – Погоди-ка! – внезапная идея овладела им. – Ты как будто сибиряк?

– Лет пять там отработал, – недоуменно подтвердил Богаченков.

– Так чего ты тут штаны просиживаешь?! – возмутился Коломнин. – Иди немедленно оформляйся. Завтра в командировку вылетаем! Будешь теперь при мне по особым делам.

В коридоре Коломнина караулила секретарша Ознобихина:

– Сергей Викторович! Николай Витальевич очень просил заглянуть.

Коломнин, раздосадованный происшедшим, хотел отказаться, но дверь кабинета Ознобихина будто случайно распахнулась, и сам вышедший хозяин обхватил начальника УЭБ за плечи.

– Старина! Надеюсь, не обиделся, что я тебя чуток опередил? – испытующе, в той же манере, что и Дашевский, он заглянул собеседнику в глаза. – В этом деле не только стратегия важна, но и тактика. Не мог я тебе, понимаешь ли, позволить в президента банка сомнения посеять. Слишком важен этот проект.

– Для банка или для тебя?

– А я себя от банка не отделяю! – отчеканил Ознобихин, кивая одновременно двум проходящим мимо начальникам департаментов. Проводив их нетерпеливым взглядом, вернулся к прежнему, дружески-снисходительному тону. – Надеюсь, ты тоже?

– Коля, давай напрямую – чего ты от меня хочешь? Узнать, о чем договорились с Дашевским?

– В том числе.

– В таком случае докладываю: получил команду с поручительством пока не наседать. Можешь считать – нейтрализовал. Доволен?

– Я тогда доволен буду, когда начальник экономической безопасности мне в этом проекте союзником станет. Потому что каждый раз бегать к президенту за поддержкой – это накладно. Я жилы рву, чтоб банк на новый простор вывести. А ты – как стоп-кран уперся. Думал, командой станем. Ну, хочешь, я тебе все бизнес-планы по Генеральной компании покажу? Просмотри тщательно, а через два-три дня спокойно обсудим.

– Через два-три вряд ли. Я на две недели в Томильск улетаю.

– К Ларисе?! – Ознобихин ошеломленно остановился. – Вот это ты молодец. По-взрослому!

– Почему к Ларисе? – голос Коломнина разом просел.

– Так она ж как раз в Томильске живет. Не знал, что ли? О чем же вы с ней?.. Ты даешь!

– Слушай, Коля, – заалевший Коломнин решил. – Собирался как раз с тобой насчет Ларисиною мужа переговорить. Я тут по приезду прокачал: не зарегистрировано по Москве убийство Шараева. Не знаю, что и думать.

Из приемной выглянула секретарша, озабоченно зыркнула вдоль коридора.

– Николай Витальевич! Вас Лев Борисович срочно требуют.

– И правильно, что не зарегистрировано. Шараева – это Ларисина фамилия. Она ее себе оставила, чтоб азербайджанскую не брать. А мужа – Фархадов, Тимур. Отец у него, между прочим, знаменитейший по Сибири нефтяник... Да иду, иду!

Ознобихин исчез в недрах приемной, оставив Коломнина в наиполнейшем обалдении. Лариса Шараева – невестка патриарха Всея Сибири и банковского должника!

Выйдя на улицу, Коломнин с удивлением обнаружил, что давно стемнело: суматошный рабочий день растаял незаметно, как сахар в кипятке. С легким ознобом припомнил о предстоящем неизбежном разговоре с сыном. Теперь он был благодарен Панчеву, удержавшему его от первого, чисто эмоционального порыва. Такой разговор требует мудрой сдержанности. Конечно, Димка был близок к тому, чтобы всерьез оступиться, – ведь фактически речь идет о взятке. Но – лишь близок. Главное – не набрасываться сразу, не загонять парня в безысходность. Необходимо найти нужный тон и нужные слова. Чтоб разговор этот остался один. Последний и – навсегда.

И еще, чего жаждал он почти подсознательно, – чтобы дома не оказалось жены. Всякая попытка поговорить при ней с кем-то из детей оканчивалась ее неизменным вмешательством – причем в любой разговор она буквально врзалась и – гнала волну, как разогнавшаяся моторка меж тихими весельными лодками. Так что даже спокойная вроде беседа преображалась, покрываясь бурунами, – предвестниками близкой бури. Бурей, то есть общим скандалом – с вскриками и взаимными обвинениями, за которыми терялось все доброе, – обычно и заканчивалось.

Увы! Жена оказалась дома. И, более того, по скорбной усмешке, с какой оглядела она появившегося мужа, стало ясно: она уже все знает. И она имеет мнение.

– Дмитрий дома?

– А где ж ему теперь быть? – демонстративно повернувшись, жена вернулась на кухню, оставив, впрочем, дверь неприкрытой.

Нахохлившийся сын забился в глубокое кресло под торшером, с нераскрытой книгой на коленях.

– Кажется, нам пора поговорить, – строго произнес Коломнин, еще раз давая себе слово быть сдержанным.

– О чем?! – сын не отвел глаза. Напротив, прямо посмотрел на отца. И какая же волна неприязни и несдерживаемой обиды окатила Коломнина. Его невольно перетряхнуло.

– Ты что, Дмитрий?!

– Он еще спрашивает? – слышалось сзади. – Постыдился бы. Ребенок первые самостоятельные деньги заработал. А родной папочка отобрал.

– Да иди ты отсюда к черту! – заорал Дмитрий на мать, срываясь на фальцет. – Преду-преждал же, чтоб не лезла.

– Димка! На мать-то! – предостерег Коломнин, хоть самого нестерпимо подмывало схватить ее за локоть и вышвырнуть из комнаты.

– Да пошла она! Тоже достала. Во вы у меня где оба! – Дмитрий подбежал к матери и сделал то, о чем мечтал сам Коломнин, – решительно вытеснил в коридор и захлопнул дверь. Обернулся к оторопевшему отцу. – Скажи, что я тебе сделал? Только скажи! За что ты меня ненавидишь?!

– Я?! – Коломнину начало казаться, что происходит это во сне. – Я – тебя?! Да ты о чем, Димка?

– С четырнадцати лет ты меня гносишь своим высоколобым презрением: не то делаю, не там учусь, не о том думаю! Я уж и забыл, когда видел что-то, кроме твоего вечного презрения! Но теперь-то за что! Это мои деньги. Я их заработал! Понимаешь ты? Я – сам.

– Вообще-то заработал – это несколько иное. А когда ты на имени банка спекулируешь...

– О-о! – сын завыл. – Опять за свое! Да что ж ты действительно такой тупой?! – Дмитрий, я пытаюсь поговорить по-доброму, но ведь могу...

– Чхал я на то, что ты можешь! Не застращаешь. Банк! Служение! Достал! Да разуй zenки! Все в банке гребут под себя. Делают деньги. Где могут и как могут!

– Полагаю, все-таки – не все.

– Не все! Ты – нет. Вбили в тебя в твоём МНДВ² инстинкт сторожевого пса: охраняй хозяйское, пока не сдохнешь. Или пока сам хозяин не прибьет за чрезмерное рвение. Но и я не ворую. Понимаешь? Ни у кого ни цента. Я просто «сделал» эти деньги там, где другой бы их не нашел. И что же, скажи на милость, здесь такого, что родной отец?...

– Не забывай, это я тебя все-таки в банк привел.

– Ты! Все ты, – согласился сын. – Вот это и есть главное. Испугался, как бы твое имечко не замарали.

– Наше имя!

– Да нет, твое! Потому что я твоими благодеяниями сыт по горло и завтра же подам заявление об уходе. Так что не извольте беспокоиться! На вас и тень не упадет. И вообще, – он поколебался. Даже передумал было, но все-таки, хоть и тихо, закончил. – Не хочу с тобой больше ничего общего иметь.

– Даже так? – выдавил Коломнин. Он понимал, что надо что-то делать. Объясниться. Попытаться убедить. Но не было сил ни на уговоры, ни на крики. – Как знаешь. Далеко, похоже, зашло. Скажи только, зачем тебе эти деньги понадобились? Вот так, разом. Разве мы тебе в чем отказывали?..

– А вот затем. На квартиру, к примеру, собрать хотел, понимаешь? Чтоб... лиц ваших с матерью не видеть.

– Мать-то тебе чем не угодила? Кто-кто...

– Да идите вы!.. Вы ж оба ядом пропитаны, так ненавидите друг друга. Думаешь, не видно? Вот скажи, чего живете вместе?

– Хороший вопрос.

– Да нет у меня вопросов, – осунувшееся лицо отца несколько остудило парня. – Все равно как угодно добуду деньги, но – уйду из дома!

Махнув рукой, повернулся и выбежал в спальню. В гостиную тотчас ворвалась жена:

– Доволен? Довел парня до точки? Отец называется. Другие отцы за детей насмерть стоят. А этот... Ну что с того, что мальчишка немножко денег бы подзаработал? Кому от этого хуже? – Да пойми ты, курица! Нельзя начинать жизнь со взяток. С них начнешь, ими и кончишь!

– О господи! Говорить с тобой – как под водой кричать. Сорок два года и – полный идиот. Что теперь делать-то собираешься? Ты ж сына так потеряешь. А мне как с тобой жить после этого? Вот скажи, как ты нам с детьми в глаза смотреть после этого будешь?

– Пожалуй, что уходить мне надо из дома, – всего минуту назад Коломнин и не помышлял об этом. А, выговорив, понял, что решение созрело давно. – Все равно как мы живем – это не жизнь.

– Опять? – съязвила жена.

– Да нет, окончательно надумал. В чем-в чем, а в этом он прав: чего в самом деле мучим друг друга? Квартиру, само собой, вам.

– Это даже не обсуждается. А детей, стало быть, на мои плечи?

– Детей?.. Да есть у меня на книжке деньги. Куплю Дмитрию квартиру, раз так рвется.

² Сленговое от МВД

– Двухкомнатную! – потребовала жена.

– Двухкомнатную? Так это, считай, все, что у меня отложено... – Коломнин задумался. Но не о том теперь голова болела. – Что ж? Пусть двухкомнатную. Проживу на даче.

Дачу эту на берегу Истры он уж лет пять отстраивал, где сам, где чужими руками, но – своими деньгами. В последнее лето выложил печку. До весны перекантуется.

– Даже так? Что ж, вольному воля, – жена обескураженно покачала головой. – Силой держать не стану. Ишь, как допекло-то! Или сударушку какую завел?

Она ухмыльнулась презрительно.

– Завел. И тут же потерял, – дернул черт за язык Коломнина.

Лицо Галины, до того несколько потерянное, исказилось яростью.

– Дачу тоже отдашь! – отчеканила она. – У нас еще дочь растет. А на баб своих зарабатываешь!.. Ты что это улыбаешься, кобелюга?!

– Разве? – удивился Коломнин. – Так, подумалось.

Ну не говорить же в самом деле, что представилась ему вдруг Лариса, и такое томление почувствовал в предвкушении встречи, что хоть пешком беги до самой Сибири.

– У меня утром самолет. Пожалуй, соберусь прямо сейчас, да и поеду в аэропорт. Все равно не засну. А вещи, какие отдашь, приготовь, – заберу по приезду, – попросил Коломнин.

Не было в нем ни задиристости, не попыток выяснить отношения. Одна опустошенность.

И оттого поняла Галина, что не очередная у них размолвка. А заканчивается сегодня двадцатилетняя полоса жизни. А впереди – должно быть, одинокое старение. Схлынули в никуда приготовленные насмешки и подколки, на которые за годы семейной жизни стала изощренной мастерицей. Опустилась в кресло и – тихонько завывала.

Лицезрение патриарха

В аэропорту Томильска Коломнина и Богаченкова встретил управляющий местным филиалом Симан Ашотович Хачатрян – хрупкий молодой человек с косматой и массивной, предназначенной для другого тела головой.

– Рад, что именно вы приехали, – он с чувством пожал руку Коломнина, не обратив внимания на мнущегося Богаченкова. Как и многие менеджеры новой банковской волны, в вопросах субординации был он чрезвычайно щепетилен. Во всяком случае стоящему в некотором отдалении шоферу – мужчине лет пятидесяти – он лишь коротко кивнул в сторону сумки начальника управления экономической безопасности. Сам же, похватив Коломнина под локоток, повлек его к выходу.

Богаченков безропотно поволокся следом.

– Так почему же рад именно мне? – Коломнин, выйдя из здания, поспешно прикрылся шарфом от обрушившейся поземки.

– Так ситуация как бы совершенно нестандартная. Чтоб глубоко разобраться, особые тонкость и деликатность нужны. А вам их не занимать. Уж кому-кому!

– Что, Симан, вляпался? – без труда сообразил Коломнин, – уж больно дубоватым оказался комплимент.

– Это не совсем верная формулировка, – со вздохом отреагировал Хачатрян и поспешно, отеснив водителя, распахнул перед гостем дверцу банковского «Вольво». – Тут важно оценить перспективы в целом. Мы сейчас сразу проскочим в «Нафту-М» – я уже договорился о встрече. А по дороге попытаюсь самое основное довести. Буквально пунктиром.

– Ну, если только пунктиром, – Коломнин прильнул к окну, торопясь разглядеть новый город до того, как окончательно стемнеет.

Странное впечатление производил старинный сибирский Томильск. Обгрызанный, то и дело ухавший ямами асфальт беспрестанно петлял меж деревянными, куце освещенными улочками, на которых выделялись немногочисленные двухэтажные дома с кирпичным низом. И вдруг – поворот, и перед тобой ликующий огнями особняк из тонированного стекла. Бок к боку еще один. Попузатестей. Явно гордящийся перед первым. За ним, на куцей тусклой площади – памятник бородатому, сильно смахивающему на удачливого браконьера мужику с надписью на постаменте «Покорителю Сибири Ермаку». Опять – поворот, и город ухаеся в полную, беспросветную темень, а асфальт и вовсе переходит в булыжную, щербатую мостовую, в низинах залитую грязью.

– Третий год собираются асфальт класть. Деньги выделили. Но все никак. Мы вам вообще-то специальную экскурсию по городу запланировали, – Хачатрян не сдержал неудовольствия от того, что Коломнин, которого он торопился «нагрузить» информацией, бесконечно отвлекается.

Причина невнимательности объяснялась меж тем просто: то, о чем рассказывал с придыханием Хачатрян, Коломнин с Богаченковым успели изучить еще в самолете.

Верхнекрутицкое газовое месторождение открыл когда-то сам Фархадов. Когда в начале девяностых в нефтяном мире начался дележ будущих вотчин, созданная Фархадовым компания «Нафта-М» в обход всяких конкурсов получила лицензию на его освоение. Общий объем подтвержденных извлекаемых запасов составлял ни много ни мало четыреста миллиардов кубометров газа. Лакомые эти цифры заставляли изумиться, как это топливные «генералы» за здорово живешь отломили эдакий кусище «сошедшему с весов» старику. Однако уже следующий вопрос: как глубоко лежит газ на данном участке? – разяснял многое. Это были так называемые ачимовские отложения – с глубиной залегания более четырех тысяч метров. А это значило, что на их освоение необходимы были средства, исчисля-

емые в сотнях миллионов долларов, чего заведомо не мог раздобыть Фархадов. Впрочем, установить несколько буровых вышек и накачать из них некую сумму, достаточную на безбедную старость, было вполне реально. Ситуация переломилась, когда в 1996 году крупнейшая нефтяная компания страны «Паркойл» предоставила «Нафте-М» огромный кредит на сумму свыше сорока миллионов долларов. Кредит, правда, был товарным. И многое в истории с его выделением оставалось неясным. Известно было лишь, что пробил его не кто иной, как Гилялов, бывший в тот период вице-президентом «Паркойла». В результате капитализация «Нафты-М» увеличилась многократно. Так что банки наперебой стали предлагать Фархадову деньги. Появились значительные средства на освоение. И тут Фархадов повел себя по меньшей мере странно. Вместо того, чтоб пустить внезапные деньги на разработку одного, самого перспективного участка, где можно было бы быстро и по возможности дешево откачать приличный объем газа, он принялся за обустройство всей огромной территории месторождения. Бесконечные разведывательные, реконструктивные мероприятия быстро съедали едва появившиеся средства. Учитывая же объем предстоящих работ, до реальной отдачи, то есть до появления промышленных объемов было столь далеко, что нефтяные «генералы» меж собой только головами качали: старый покоритель Сибири либо выжил из ума, либо так и не излечился от гигантомании. Судьба месторождения казалась отныне ясна: скоро, когда деньги окончательно иссякнут, работы сначала приостановятся, затем и вовсе прекратятся. Построенное начнет приходить в запустение. «Что ж, мы все для него сделали, – тяжело вздыхали «генералы». – Но – свою голову не приставишь». Вздыхали, причем, с тайной сладостью, поскольку понимали: тот, кто после придет на разведанное и даже полуосвоенное месторождение, задешево отхватит «немеренный ресурс».

Но, как видно, поторопились бывшие ученики зачислить престарелого учителя в число недоумков. Потому что, согласившись при «раздаче» без споров и упреков на «сухое» газовое месторождение, он один знал то, что разведал еще в семидесятых, но нигде тогда не зафиксировал, – на отведенной территории имелся могучий, исчисляемый на двести миллионов тонн запас высококачественного газоконденсата. Конечно, дотянуть его разом до магистрального продуктопровода возможности не было. Требовались серьезные вложения. И тут Фархадов нашел неожиданный вариант. Добываемый конденсат на машинах доставлялся до одноколески, а оттуда – цистернами до ближайшего нефтеперерабатывающего завода. Получаемых таким образом денег по масштабам месторождения было немного, но их хватало на расчеты с рабочими, закупку оборудования. И – работы продолжались: месяц за месяцем, год за годом. Так что уже начала вырисовываться в беспробудном, казалось, тумане перспектива врезки в заветный продуктопровод, до которого оставалось дотянуть нитку километров в двадцать. И те же нефтяные «генералы» все чаще косились друг на друга, выискивая лоха, за здорово живешь отдавшего золотую жилу немощному старику.

Однако за последние два года начали сбываться самые мрачные прогнозы: работы резко застопорились. Во всяком случае из необходимых двадцати километров едва смонтировали пятнадцать.

Но об этом как раз словоохотливый Симан, всю дорогу певший осанну гению сибирского патриарха, старался лишний раз не упоминать. И Коломнин распрекрасно понимал почему.

Филиал в Томильске банк «Орбита» открыл пять лет назад. Главная же задача всякого нового банковского филиала «раскрутить» обороты. Основной способ – привлечь на обслуживание как можно больше крупных клиентов. Если ты не сумеешь сделать этого, то филиал попросту закроют как нерентабельный, а истраченные средства спишут на убытки. Сложность и в том, что все эти клиенты в регионе «считанные» и, как правило, давно распределены между другими банками. И тогда открывается сезон охоты. Клиента обхаживают, идут даже на прямые убытки, предлагая условия обслуживания на порядок для него более

выгодные, чем в других банках. О таких мелочах, как подношения к Дню рождения, именин, на пасху, к Дню российского флага и проч., и говорить не приходится. Но главное оружие в борьбе за перевод счетов – кредитование. Главное – но и рискованное. Клиент, ощущая себя желанной невестой на выданье, привередливо навязывает свои условия, иной раз заведомо неприемлемые. Пройти по лезвию ножа, не потеряв его, но и не перейдя грань разумного риска, за которой – опасность невозврата, – это особое искусство. Молодой Симан этим искусством, похоже, обладал. Во всяком случае за пять лет работы филиал разросся и стал одним из банковских лидеров в Томильской области. И первой крупной его акцией, положившей начало успехам, стала выдача кредита «Нафте-М», от которой другие банки тогда еще откровенно шарахались. Хачатряна расхваливали, премировали, приводили в пример как образец разумной кредитной политики. Но он-то, оббившийся за эти годы в банковских кулуарах, познал цену слова. И понимал, что как только у любого из его клиентов возникнут финансовые проблемы, руководство банка тут же потребует немедленно взыскать долг. С этого момента интересы банка в целом и его подразделений на местах в корне расходились. Для центрального офиса главное – это вернуть вложенные деньги, для филиала – не упустить возможность продолжать зарабатывать.

А потому филиал в таких случаях делает все, чтобы оттянуть силовое решение в надежде, что клиент выправится. Так что зачастую информация доходит до службы Коломнина, когда сделать уже ничего нельзя, – фирма развалилась окончательно, а сколь-нибудь ценное имущество разобрано более расторопными конкурентами.

– Так почему все-таки резко застопорились работы по строительству продуктопровода? Почему опять не выплачены проценты?

Коломнин требовательно посмотрел на Хачатряна. Тот покраснел: самолюбивый Симан не любил, когда его обрывали. Да еще – неприятными вопросами.

– Есть проблемы, – процедил он. – На самом деле начались два года назад, когда убили сына Фархадова. Сам-то Салман Курбадович – человек из бывшего времени. Хотя и мощный. А вот сын – тоже нефтяник – очень был толковый мужик. Он-то в основном на себе экономику и тащил. И идея эта подрабатывать на газоконденсате, чтоб достроить продуктопровод, – тоже его. А как погиб, основную нагрузку на себя приняли зять – вы с ним сегодня познакомитесь, такой Казбек Мамедов, и финансовый директор Мясоедов Григорий Александрович. Гонору у обоих с избытком, – Симан злопамятно скрипнул зубами, – а вот настоящему, так, как раньше, – не получается. А главное – сам Фархадов резко подсел. Он ведь все под сына создавал. Гордился, как ну, не знаю.... Что-нибудь надо, придешь и – давай сына нахваливать. Тут же расцветет и все даст. Ну, прямо ребенок! Инфаркт перенес. Едва выходился.

Он ощутил тревогу, наставшую в московском госте, и спохватился, что наговорил лишнего.

– Но теперь все в порядке! Возрождается. И сам ожил. И дело пошло. Так что даже не думайте – кредит они вернут. Всех задач-то – достроить пять километров «нитки». Банку сейчас главное – перспективного клиента не потерять. Тем более, что мы с ним столько лет бок о бок. А желающих перехватить – ого сколько! Только зевни варежкой! Потому что понимают – как только Фархадов достроится и врежется в магистраль – просто-таки море разливанное начнется.

– Может, и начнется, – не стал спорить Коломнин. – Скажи-ка лучше, как погиб сын Фархадова. Может, отсюда и выходы на их сегодняшние проблемы?

– Погиб в Москве. Но как? – Симан повел плечом. – Пустого звону много. Какие Салман «бабки» вложил в расследование, – сказать страшно. Вся ментовка приделалась. А толку чуть.

– Но хоть кому выгодно было?! – полюбопытствовал отмалчивавшийся дотоле Богаченков.

– Всем! – грубо обрубил Хачатрян, демонстративно обращаясь к Коломнину. – Грешили, правда, на чечен. Мощная у нас по области группировка, узкоколейку держат. Но как ни крутили их рубоповцы, следов так и не надыбали. Так что если бы Салман не продолжал ментов «паковать», давно все и думать забыли. Он ведь до сих пор верит, что раскроют.

– А другие нет?

– Какое там! Одно слово – ментура. Только «бабки» тянуть сильны... О, похоже, добрались. Машина сделала очередной зигзаг, и из полутьмы и жижи зимнего древесного Томильска выкатила внезапно на залитый светом трехэтажный тонированный офис, – эдакий маленький Газпром, отгороженный от хмурой повседневности ажурной решеткой.

– Любят понт, – Симан отметил изумление Коломнина. – Азербайджанцы – чего с них взять.

Впрочем, в понтах армяне азербайджанцам не уступят. Сам Хачатрян недавно отгрохал новое здание филиала прямо в помещении прежнего дворянского собрания, числящегося среди исторических достопримечательностей. И теперь ежедневно, входя на работу меж ионических колонн, приятно алел от удовольствия.

Вышедший охранник дополнительно осветил номер, сверился со своим списком и – взмахнул рукой. Ворота разошлись, и банковская «Вольво» въехала на нежную брусчатку.

Симан вытащил из багажника огромный куст роз.

– Праздник у них. Фархадову сегодня семьдесят четыре стукнуло. Так что, считайте, – удачно попали: с корабля на бал. Мы с вами, Сергей Викторович, здесь вылезем, а экономиста вашего шофер прямо в гостиницу отвезет. Сегодня официоз: так что исполнители не понадобятся.

Привычным взглядом окинул застывшие у бордюра иномарки:

– Фархадова пока нет!

Пригляделся:

– Ого! Похоже, все банки собрались. Так и норовят отбить.

Выверяя эффект от сказанного, глянул на гостя. Разочарованно насупился.

Слушал его Коломнин, сказать по правде, через ухо. Все время от аэропорта он помнил, а с момента, как въехали на территорию компании, ни о чем другом толком не мог думать: вот-вот он увидит Ларису. Даже приложил незаметно палец к виску: вена отчаянно пульсировала.

На втором, директорском, этаже, куда поднялись они, царила праздничная суэта: кабинеты были раскрыты, и меж ними сновали принаряженные, благоухающие парфюмом женщины. Мужчины курили по углам, с деланным безразличием переговариваясь на отвлеченные темы. Но то один, то другой подходил к окну, вглядываясь в темноту. Хотя, конечно же, охране была дана строгая команда предупредить о приезде Фархадова.

Центром оживления и местом, куда беспрестанно заглядывали сотрудники, была приемная, где распоряжалась всем и всеми решительная, утомленная всеобщей нерадивостью и бестолковостью секретарша. Надменная и неприступная, как все ценимые, вхожие к большому начальству секретарши.

При виде цветущего от удовольствия Симана она кисло улыбнулась:

– Скоро обещал быть. Пройдите пока в Зал заседаний. Когда появится, приглашу.

– Фархадов недоволен банком, – чутко расшифровал ее холодность Симан, выходя из предбанника. – Обиделся, что мы требуем срочного возврата денег.

– А он хотел, чтоб мы поднесли их ему на День рождения?

Хачатрян хоть и смолчал, но позволил себе искоса зыркнуть: ирония в отношении крупнейшего клиента ему не понравилась.

В зале заседаний, используемом сейчас как зал ожидания, скопились люди. Наряду с холеными юношами с такими же, как у Хачатряна, букетами, много было бородатых, неухоженных мужиков в дорогах, но неловких на них «тройках», – бригадиры с буровых, управляющие филиалами, подрядчики. У некоторых костюмные брюки были заправлены прямо в унты. Оживление среди них носило, как показалось Коломнину, характер несколько искусственный. Из-под него угадывалась общая озабоченность. Появление Симана почему-то вызвало среди присутствующих интерес. Его окружили. Оттиснутый, предоставленный себе Коломнин принялся оглядываться. Стены по периметру были увешаны вставленными в рамки фотографиями. И на всех запечатлен был в разные годы своей жизни и в разных обстоятельствах Салман Курбадович Фархадов – открыватель сибирской нефти.

Одна из них особенно привлекла внимание Коломнина. Сидящий у костра тридцатилетний южанин в робе и болотных сапогах с горячным взглядом, нетерпеливо устремленным сквозь камеру в тайгу.

– Впечатляет, точно? – к Коломнину подошел невысокий широкоплечий человек. Как и остальные, был он в костюме. И костюм как будто подогнан по коренастой фигуре. Но только при каждом движении возникало ощущение, что как только двинет он плечами чуть поэнергичней, сукно тут же треснет. Да и самому ему, видно, так казалось, потому что то и дело неуютно подергивался. Подошедший с удовольствием взгляделся в фото. – Огромного масштаба человецище был.

– Был?!

– Ну, то есть это же на пике, когда он только шел к цели. И как шагал!.. Нет, и сейчас крупно дышит. Да сам убедишься. Просто иная жизнь настала. Так сказать, обыденность. Понимаешь? Из бытиины в повседневность, в сию, можно сказать, минутность – это всегда непросто. Он повел шеей, нервно поддернул узел галстука.

– Достало, еж твою! Как в хомуте. Кстати, Резуненко мое фамилие. Виктор.

– Коломнин. Из банка «Орбита».

– Догадался. И даже знаю, с чем приехал. Потому и подошел. Разговор к тебе имею. Можно сказать, конфиденсный. Насчет «Нафты».

– Симан Ашотович не помешает? – Коломнин заметил, что встревоженный Хачатрян принялся пробираться к ним.

– Может, и нет, – Резуненко изобразил легкую заминку, из которой стало ясно: лучше все-таки тэт на тэт. – Давай так. Тебе когда на мозги как следует накапают, отзвонись. Подброшу информации. Он всунул визитку и, махнув с безразличной приветливостью подошедшему Симану, отошел к поджидавшей в стороне группе.

– Чего он хотел? – неприязненно поинтересовался Хачатрян. – Небось, гадость какую на Фархадова лил?

– Да нет. Наоборот.

– Значит, темнит. Он при Тимуре «Нафте» поставлял трубы для бурения. А год назад отодвинули, – передали заказ «дочке» Паркойла. Сам понимаешь, – другой уровень связей. Вот и злобствует. Много этих обиженных. А у кого их нет? Кто дело делает, на того всегда компромат сыщется. Только развесь уши, – такого напоят!

Симан аж побледнел от негодования, – то ли о Фархадове говорил, то ли о себе.

– Приехал! Приехал! – послышались выкрики. Кто-то из самых ретивых побежал вниз.

Приободрились и в Зале ожидания. Банковские юноши принялись встряхивать букеты. Буровики и подрядчики потянулись к приготовленным коробкам.

Но оживление вспыхнуло разноголосицей у открывшегося лифта, прошумело мимо и затихло в приемной. Прошло еще с пять минут, пока в Зал вошла секретарша, нашла Хачатряна:

- Симан Ашотович! Вместе с московским товарищем пройдите к Салман Курбадовичу. Взглядом подавила легкий ропот:
- Остальным поздравляющим велено подождать.

Под завистливыми взглядами конкурентов зардевшийся Симан, подхватив Коломнина, устремился через приемную, заполненную сотрудниками, в заветный кабинет президента компании.

Меж двойными дверями Хачатрян глубоко выдохнул и впорхнул в объемистый кабинет – весь из себя в лучезарной улыбке. Не задерживаясь у входа, он немедленно, мимо орехового овального стола для совещаний, устремился в дальний угол, где в глубоком кресле восседал седоволосый, с дикими, будто куст крыжовника, бровями старик. Коломнин, только отошедший от его прежней фотографии, не мог не заметить, что голубые пронзительные глаза за прошедшие годы изрядно выцвели. Но это и не были стариковские глаза: в них достаточно еще оставалось и голубизны, и угадывающейся грозности.

Чуть сзади, справа и слева от кресла, вырисовывались два мужских силуэта, подчеркнуто строгих в своей неподвижности, – будто почетный караул.

В отличие от зала заседаний, здесь на стене, прямо за креслом президента, была лишь одна фотография – о чем-то задумавшегося молодого красивого азербайджанца. Не трудно было сообразить, что это и есть Тимур. В нем не чувствовалось неистовости отца. Но угадывалась так ценимая женщинами мягкая уверенность. Глядя на него, Коломнин с тоской понял, как должна была любить его Лариса. И лишний раз подумал, что их встреча в Таиланде скорее всего была лишь эпизодом для отчаявшейся женщины.

Впрочем, эта фотография не была единственной в кабинете.

Многочисленные – по стенам – шкафы наряду с кубками, медалями, сувенирами оказались заполнены цветными фото, на которых нынешний Фархадов был изображен в окружении знаменитостей: Фархадов, принимающий орден от Горбачева; Фархадов и Ельцин – во время поездки последнего по Сибири; Фархадов в окружении приглашенных из Москвы кинозвезд; Фархадов и Вяхирев, обнявшись, в Газпроме. Одна привлекла Коломнина особо: Фархадов и Гилялов. Чуть сзади расположились еще несколько человек, среди которых, как всегда, хитровато улыбался Слав Славич Четверик.

Из некоторой забывчивости Коломнина вывел сладостный голос Хачатряна, который, подойдя вплотную к креслу, с чувством принялся произносить здравицу.

– Ладно, ладно, давай без дежурных славословий, – осадил его Фархадов, сделав жест подняться из кресла. И тотчас стоящие сзади люди подхватили его под руки. Но не так, как подхватывают немощного старика. Казалось, это и не поддержка, а скорее очередной знак глубокого уважения. Впрочем руки оба убрали лишь после того, как Фархадов окончательно встал на ноги и даже разогнулся, с некоторым усилием преодолев пригнувшую с годами сутулость. – А это что с тобой за молодец?

– Позвольте представить – Сергей Викторович Коломнин. Начальник банковской службы экономической безопасности. Тоже вот прилетел вас поздравить.

– Ну, зачем может прилететь экономическая безопасность я и сам догадываюсь, – усмехнулся Фархадов, внимательно разглядывая гостя. – Но имейте в виду, хоть вы и любимый банк, – не дадите кредит: поссоримся.

– Кредит?! – невольно переспросил Коломнин. Его задача была выяснить, как вернуть прежние деньги. Обсуждать выдачу новых – к этому он был не готов и потому невольно перевел взгляд на зардевшегося Хачатряна.

– Может быть, этот разговор стоит перенести на завтра? Сегодня у вас такой день, – поспешно сгладил остроту ситуации тот.

– Обычный день. Немножко неприятней, чем другие. Вот через год на семидесятипятилетие, если доживу, – тут да! Налетят. Даже сейчас подумываю, не махнуть ли неделки на две в тайгу по старой памяти? С ружьишком.

– Да что ж это вы такое говорите, Салман Курбадович?! – неожиданным фальцетом возмутился высоченный пятидесятилетний мужчина с припухлым лицом. – Это что, ваш личный день? Это для всей российской нефтегазовой отрасли праздник. Да что там? Для всей России.

– Так что, дорогой дядя Салман, придется денек-другой пострадать! – охотно поддержал его другой «караульный» – невысокий молодой азербайджанец. И речь, и движения его были быстры и порывисты. Причем всякая фраза, и всякое движение как бы наталкивались на предыдущие и оттого выглядели скомканными.

– А уж насчет того, чтоб не дожить: и слушать-то неудобно, – вторя им, огорченно зацокал Хачатрян. – Да поглядите на себя: вы еще нас всех переживете. Каждый раз выхожу от вас и думаю: господи! Ну почему ты не дал мне толику той энергии, что бушует в Салман Курбадовиче. Это ж горы можно свернуть.

– Так и сворачиваем! – напомнил ему высокорослый. – Какие горы под руководством Салман Курбадовича сворачиваем. Коломнин, более привычный к скрытой, изощренной лести, принятой в банке, с некоторой растерянностью посмотрел на Фархадова и натолкнулся на встречный, следящий за его реакцией взгляд.

– Будто дети малые, – посетовал Фархадов. – Не остановишь, так и будут галдеть. Ну, довольно пустых слов. Или полагаете, я за свою жизнь мало лести наслушался? И от каких людей! Начнете хвалить, на дело времени не останется. А мне за оставшиеся годы дело надо успеть сделать. Что с сыном начинали.

Едва произнес он слово «сын», как остальные умолкли и разом перевели скорбные лица на фотографию.

– Кстати, познакомьтесь с моими ближайшими помощниками, – припомнил Фархадов. Он подманил к Коломнину молодого азербайджанца. – Казбек Мамедов. Мой зять и продолжатель, можно сказать, дела.

– Очень приятно, – поздоровался Мамедов голосом, в котором можно было расслышать всё, кроме удовольствия. Своим видом он как бы давал понять: знаю, что приехал ты с неприятностью. Но обидеть дядю Салмана не дам!

– А этот говорливый господин – наш финансовый бог.

– Мясоедов Григорий Александрович. Финансовый директор. Рад буду служить, – рука Мясоедова оказалась наподобие большой, хорошо взбитой подушки.

– Болтлив, как женщина. Но дело в общем-то знает, – не стесняясь присутствием сотрудника, охарактеризовал Фархадов. – Вот с ним завтра главный разговор будет. Он у нас все расчеты ведет. Думаю, миллионов пять-десять нам для начала хватит.

От этих небрежных «пять-десять» Коломнина бросило в краску, и он даже собрался ответить некой умеренно язвительной фразой. Но тут дверь раскрылась, и с папкой в руках вошла секретарша.

– Поздравительные телеграммы, – объявила она.

– Ишь сколько. Делать людям нечего, вот что скажу, – неодобрительно поцокал Фархадов. – Уберите с глаз, Калерия Михайловна. Длинный палец его однако пробежал по пачке, как бы измеряя толщину, и даже слегка поворочил.

– Есть и от Богданова. И от Алекперова. Само собой, от Гилялова, – чем хороша вышколенная секретарша, тем, что научилась отвечать на незаданные вопросы. Она кротко вздохнула. – Простите, Салман Курбадович. Но там приглашенные заждались.

Последняя, исполненная укоризны фраза Калерии Михайловны почему-то была обращена к Хачатряну.

– Подождут, никуда не денутся. Все готово?

– Как вы приказали – накрыто в Нефтяном доме, – подтвердил Мясоедов. – Лично проследил.

– Хорошо. Тогда отвезите всех туда. Я попозже. Вас тоже приглашаю, – обратился он к Коломнину. – Откажете – обидите.

– Не откажу, – в тон ему кивнул Коломнин. И тут же ощутил недовольство присутствующих: видимо, сказанное выглядело здесь дерзостью.

– Да! Салман Курбадович, – напонила о себе секретарша. – Звонила Лариса Ивановна. (Коломнин вздрогнул) Просила передать, что приехать в Нефтяной дом не сможет.

– Как это не сможет?! – взволновался Фархадов. – У меня День рождения. А любимая невестка не сможет. Нет уж! Мой праздник – ее праздник. Вот ведь упрямая женщина! Не может она! Знаю, у внучки грипп. Но надо же и развеяться. Молодая все-таки. А заперла себя эдакой затворницей. Никуда не вытащишь!

Подозвал нетерпеливо Мамедова.

– Езжай за Ларисой, Казбек. Скажи, я ...

– Велел?

– Зачем велел? Просил.

– А если упрется? Знаете ее.

– А если не уговоришь, так и сам не возвращайся! – величественным жестом он выпроводил зятя. – Остальных прошу в мою машину.

Как и следовало ожидать, Нефтяной дом оказался клубом, первый этаж которого был приспособлен под торжества. Обширный зал по периметру был уставлен «фуршетными» столами с закуской. Освобожденный для танцев паркетный центр сиял безупречной полировкой.

К моменту приезда виновника торжества сами торжества шли вовсю. Во всяком случае общий вопль, встретивший вошедшего патриарха, был явно обильно подогрет. И не только холодными закусками.

Приветствия на время заглушили даже голос с эстрады, на которой извивалась приглашенная из Москвы певица. Но лишь на короткое время. Обещанные деньги певица отработывала добросовестно, так что говорить приходилось, склоняясь к уху собеседника.

Фархадов, дошедший до центрального, возле эстрады, стола приветственно взмахнул рукой, предлагая продолжить веселье. И очень скоро общий гул возобновился. Многие потянулись танцевать.

– Ну, Салман Курбадович, сегодня от ста грамм не уклонитесь, – Мясоедов ухватил потную, из холодильника рюмочку. – Не имеете просто-таки права.

– Я на все имею право. Он мне еще о правах напоминать будет, – отреагировал нахмурился Фархадов. Обвел тяжелым взглядом смешавшихся гостей. Натолкнулся на Коломнина. И – взялся за рюмку. – Но сегодня выпью!

Облегченные крики радости были ответом на эту своеобразную шутку.

– Хозяин-то в настроении, – шепнул кто-то подле Коломнина, чем очень его удивил: без подсказки угадать этого было нельзя.

Впрочем, рюмка-другая, – Фархадов и впрямь как-то незаметно оттаял. Выслушав анекдот неутомимого Мясоедова, вдруг расхохотался совершенно беззаботно. И Коломнин поразился: из этого человека, будто броней, покрытого собственным непроницаемым величием, выглянул неожиданно другой: заводной и обаятельный. Когда-то живший в этом теле. И, оказывается, все еще не умерший. Фархадов озабоченно огляделся, как бы выверая, не

уронил ли как-то невзначай собственное достоинство. Встретил удивленный взгляд Коломнина. Чуть смутился.

Но тот, повинувшись внезапному порыву, подошел с рюмкой к юбиляру, приобнял, распугав своей бесцеремонностью окружающих:

— Знаете, о чем сейчас пожалел? Что не свезло быть рядом с вами в ваши молодые годы. По-моему, это было нескучно.

И по потеплевшему взгляду старика понял, что, не желая подольститься, расположил его к себе больше, чем за весь предыдущий вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.